33

НОЯБРЬ 1909.

БИБЛИОТЕКА
В. Э. О. П.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 11.

8060

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1909.

Съ начала 1910 г. въ «Русскомъ Богатствѣ» начинается печатаніемъ 2-ая часть **«Исторіи Моего Современника» В. Г. Короленко.**

СОДЕРЖАНІЕ:

СТРАН.

1. **Разбойники.** Разсказъ. *В. І. Дмитріевой.* Окончаніе . . . . . 13— 44
2. **Закрытіе виленскаго университета.** *Л. Пантелѣева.* 45— 69
3. **Шквалъ.** I—IV. *Ѳ. Крюкова.* . . . . . 70—107
4. **Донское земство.** I—V. *Н. Лагунова* . . . . . 108—133
5. **Стихотворенія** *Николая Морозова* . . . . . 134—135
6. **Египетъ.** *С. Елпатьевскаго.* Продолженіе . . . . 136—164
7. **На краю жизни.** *В. Муйжеля.* Продолженіе . . 165—205
8. **Чудодѣйственный бальзамъ Тоно-Бэнге.** Романъ. *Г. Д. Уэлльса.* Переводъ съ англійскаго А. В. Каменскаго. Продолженіе. . . . . 206—242
9. *** Стихотвореніе *Ады Чумаченко.* 243
10. **Колесо.** Романъ. *Іоганна Іенсена.* Переводъ Т. А. Богдановичъ. Продолженіе . . . . . 244—272

11. **Страхованіе рабочихъ на случай увѣчья.** *Г. Зинина.* 1— 16
12. **Современные испанскіе беллетристы.** *Діонео.* . . . 16— 45
13. **Ученики Маркса о Чернышевскомъ.** *П. С. Русанова.* 45— 78
14. **На очередныя темы.** Соціальныя послѣдствія „землеустройства". *А. Пѣшехонова* . . . . . 78—107
15. **Политика:** Австрійскія дѣла, внутреннія и внѣшнія.— Англійскій бюджетъ и лорды.—Французскій бюджетъ.—Вопросъ объ избирательной реформѣ во Франціи. *С. Южакова* . . . . . 107—118
16. **Наброски современности.** XXIII. По старой дорогѣ. *В. Мякотина* . . . . . 118—146
17. **Новыя книги:**

И. А. Родіоновъ. Наше преступленіе. — С. Караскевичъ (Ющенко). Повѣсти и разсказы. — Карменъ. Разсказы.— Р. И. Сементковскій. Современная Россія. — Р. Эйкенъ. Основныя проблемы современной философіи религіи. —

(См. на оборотѣ)

СТРАН.

Давидъ Викторовъ. Эмпиріокритицизмъ, или философія частнаго опыта.—К. Гюнтеръ. Происхожденіе и развитіе человѣка.—Народный университетъ. Очерки науки о государствѣ. В. И. Дунаева и А. А. Никитскаго.—В. И. Семевскій. Политическія и общественныя идеи декабристовъ. 146—165

18. **Къ пятидесятилѣтію литературнаго фонда.** *Вл. Кор.* 166—173

19. **Два памятника Глѣбу Ивановичу Успенскому.** *Вл. Короленко.* . . . . . 173—175

20. **Василій Васильевичъ Башкинъ** (1880—1909) *П. Якубовича.* . . . . . 175—176

21. **Отчетъ конторы редакціи журнала „Русское Богатство“**

22. **Объявленія.**

крестьяне, ибо то право дворянъ. Что же дворянинъ будетъ тогда, когда мужики и земля будетъ не его, а ему что останется? Впрочемъ, свобода крестьянская не токмо обществу вредна, но и пагубна, а почему пагубна, — того и толковать не надлежитъ» *). Теперь потомки этихъ дворянъ увѣряютъ, что предкамъ ихъ всегда были дороги интересы крестьянъ!

Да такой откровенности, на сколько мнѣ извѣстно, испанское дворянство никогда не доходило; но общія черты мы найдемъ. Испанское дворянство до самаго послѣдняго времени считало трудъ унизительнымъ дѣломъ. Оно признаетъ только одно — правительственную службу. И мы видимъ въ Испаніи колоссальную армію чиновниковъ: все это сыновья, племянники, двоюродные братья— «hijos de algo» (сыновья извѣстныхъ людей). Отъ сокращенія словъ «hijos de alo» произошло столь знакомое «hidalgo» (гидальго). Колоссальная армія эта ничего не дѣлаетъ, но за то и жалованье получаетъ куда болѣе скудное, чѣмъ у насъ. Эти «hijos de algo» на службѣ накладываютъ особую печать на испанское общество. Гальдосъ не разъ касается этого класса въ своихъ романахъ (напр., въ *Marucha*); но объ испанскомъ дворянствѣ мнѣ придется еще говорить подробно.

Діонео.

Ученики Маркса о Чернышевскомъ.

(Г. В. Плехановъ, *Н. Г. Чернышевскій*; С.-Петербугъ, 1910).
(Ю. М. Стекловъ, *Н. Г. Чернышевскій. Его жизнь и дѣятельность*; С.-Петербургъ, 1909).

I.

Двѣ первыя большія работы о Н. Г. Чернышевскомъ принадлежатъ перу русскихъ марксистовъ. Одинъ изъ авторовъ является даже главнымъ основателемъ марксизма въ Россіи. Оба изслѣдователя стоятъ все время на точкѣ зрѣнія такъ называемаго «историческаго матеріализма» и съ этой же точки зрѣнія все время оцѣниваютъ теоретическое и практическое значеніе Н. Г. Чернышевскаго. Отсюда, несмотря на разницу внѣшнихъ сторонъ, общая особенность обѣихъ книгъ: въ нихъ Чернышевскій изучается не столько, какъ Чернышевскій, сколько по отношенію къ Марксу и марксизму.

---

*) *С. М. Соловьевъ*, т. VI, стр. 379.

Конечно, историкъ, біографъ, изслѣдователь коллективной или единичной жизни не можетъ обойтись безъ извѣстнаго общаго міросозерцанія, если не желаетъ превратить свой трудъ въ сборникъ анекдотовъ, не связанныхъ единствомъ мысли. Но именно отъ изслѣдователей, придающихъ громадное значеніе «объективизму» и «историзму», можно было бы ждать, что, сохраняя свою общую идею, они будутъ гораздо болѣе характеризовать историческій смыслъ изучаемаго, чѣмъ прикладывать къ нему все время, какъ аршинъ, свои общіе взгляды и судить его по степени приближенія къ тому, что имъ кажется въ извѣстный моментъ окончательной истиной.

Это почувствовалъ, между прочимъ, г. Плехановъ, говоря, по поводу перепечатываемыхъ имъ во второй части книги его старыхъ статей (изъ «Соціаль-Демократа» 1890—1892 г.) о политико-экономическихъ взглядахъ Чернышевскаго, что въ нихъ ему приходилось «становиться на преимущественно критическую точку зрѣнія даже тамъ, гдѣ, при другихъ обстоятельствахъ, можно и должно было бы смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія исторической» *). Подъ «другими обстоятельствами» г. Плехановъ разумѣетъ такое положеніе дѣлъ, при которомъ онъ и его единомышленники могли бы высказывать мнѣніе о Чернышевскомъ независимо отъ вынуждавшейся тогда, по ихъ убѣжденію, условіями эпохи полемики противъ «народничества» и «субъективной соціологіи».

Кстати сказать, если г. Плехановъ и полагаетъ, что русскій марксизмъ окончательно побѣдилъ этихъ двухъ враговъ, то онъ до сихъ поръ считаетъ нужнымъ относиться къ «побѣжденнымъ» съ горячностью и раздраженіемъ, которыя, казалось бы, въ данномъ случаѣ неумѣстны. Въ особенности эта запальчивость принимаетъ странный видъ, когда г. Плехановъ выпадаетъ не противъ направленія, а противъ конкретныхъ людей (изъ коихъ иные сошли со сцены и умолкли навсегда). Тутъ и «покойный С. Н. Кривенко», который приписывалъ марксистамъ взгляды на желательность «разведенія деревенскихъ кабаковъ и сельскаго ростовщичества» (стр. 11—12). Тутъ и «г. В. В., въ нѣкоторомъ родѣ тоже покойникъ, хотя онъ и здравствуетъ до сихъ поръ» (тамъ же). Тутъ и «нашъ воображаемый, значительно улучшенный, но не окончательно исправленный», г. Ивановъ-Разумникъ» (стр. 299). Тутъ и Михайловскій, тутъ въ особенности Михайловскій вмѣстѣ съ Лавровымъ: «Если не сравнивать взглядовъ Чернышевскаго со взглядомъ Маркса и Энгельса, если сопоставлять съ ними лишь взгляды, напримѣръ, П. Л. Лаврова и другихъ болѣе или менѣе прогрессивныхъ его современниковъ, то нужно будетъ признать, что онъ далеко опередилъ ихъ, и что когда онъ сошелъ со сцены, въ нашей литературѣ начался въ философскомъ,—да, къ сожалѣ-

*) Плехановъ, стр. 12.

нію, и не только въ философскомъ,—отношеніи *періодъ упадка* (курсивъ г. Плеханова). Однимъ изъ проявленій этого упадка явился впослѣдствіи пресловутый субъективизмъ Николая Михайловскаго, котораго многіе до сихъ поръ пресерьезно ставятъ на одну доску съ Чернышевскимъ. На самомъ дѣлѣ Михайловскій, особенно въ философіи, былъ настоящимъ карликомъ по сравненію съ авторомъ статьи «Антропологическій принципъ» *).

Словомъ, если

Смерть велитъ умолкнуть злобѣ,—
Діомедъ провозгласилъ:
Слава Гектору во гробѣ!
Онъ краса Пергама былъ—

то г. Плехановъ держится на этотъ счетъ особаго мнѣнія. Въ то время, какъ даже люди его направленія, и при томъ обладающіе литературнымъ и историческимъ чутьемъ, отдаютъ теперь должное столь крупной и оригинальной фигурѣ философа-публициста, г. Плехановъ до сихъ поръ не можетъ говорить о «Николаѣ Михайловскомъ» иначе, какъ съ крайнимъ высокомѣріемъ и ожесточеніемъ. Nous aimons toujours quelqu'un contre quelqu'un,—сказалъ одинъ изъ проницательныхъ французскихъ психологовъ о своихъ соотечественникахъ. Такъ и г. Плехановъ «любитъ одного въ пику другому», бросаясь трупомъ Чернышевскаго въ трупъ Михайловскаго. Впрочемъ, рѣзкостью выраженій онъ вообще не стѣсняется, не давая пощады ни чужимъ, ни своимъ (марксистамъ), если только они не исповѣдуютъ всѣхъ членовъ символа вѣры «діалектическаго,—непремѣнно діалектическаго!—матеріализма».

Съ этой особенностью г. Плеханова читатель долженъ считаться на протяженіи всего труда о Чернышевскомъ. Приходится порою даже дѣлать насиліе надъ собою, чтобы не отнестись такъ же пристрастно и рѣзко къ самому автору, какъ онъ относится сплошь и рядомъ къ людямъ и явленіямъ въ своей, несмотря на эти непріятныя стороны, интересной и заслуживающей вниманія книгѣ. Вотъ въ самыхъ общихъ чертахъ ея содержаніе. Она состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой части, послѣ сравнительно небольшого полубіографическаго, полуидейнаго «введенія» о личности и дѣятельности Чернышевскаго (стр. 22—78), изучаются его философскіе (стр. 81—148), историческіе (стр. 149—205) и литературные (стр. 206—272) взгляды. Вторая часть посвящена политическимъ (стр. 275—342) и въ особенности политико-экономическимъ (стр. 343—535) взглядамъ славнаго русскаго мыслителя, включая сюда двѣ-три странички «заключенія» объ «утопической точкѣ зрѣнія» Чернышевскаго на «общественную жизнь».

Мы уже упомянули, что послѣдняя—и бо́льшая—доля второй части представляетъ перепечатку прежнихъ статей г. Плеханова,

*) Плехановъ, стр. 146.

которыя появились сначала въ женевскомъ «Соціаль-Демократѣ» начала 90-хъ годовъ, а нѣсколько позже въ переводѣ на нѣмецкій языкъ въ видѣ книги, содержащей, если не измѣняетъ мнѣ память, лишь незначительныя отклоненія отъ первоначальнаго текста *). Но и начало второй части, и вся первая часть, хотя и написанныя впервые для русской работы, находятся уже въ качествѣ основныхъ идей на страницахъ «Соціаль-Демократа» и нѣмецкой монографіи. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что г. Плехановъ остался вѣренъ самому себѣ. Онъ продолжаетъ развивать свое прежнее міровоззрѣніе со всею послѣдовательностью и страстностью систематическаго ученика Маркса, защищая не только тѣ изъ своихъ первоначальныхъ взглядовъ, которые нашли подтвержденіе въ дѣйствительности, но и тѣ, противъ которыхъ были выдвинуты побѣдоносные аргументы не только противниками, но и самыми фактами жизни.

По поводу біографическаго введенія сказать много не приходится. Основныя черты Чернышевскаго, какъ писателя, соединены не безъ искусства. Слабѣе обрисована собственно личность Николая Гавриловича. Въ частности, замѣчательная стойкость его характера почти совсѣмъ оставлена въ тѣни. А сказанное можетъ создать въ читателѣ скорѣе невѣрное представленіе о Чернышевскомъ, какъ о человѣкѣ, настолько лишенномъ самостоятельности въ дѣйствіяхъ, что онъ, напр., склоненъ лучше кончить самоубійствомъ, чѣмъ жениться противъ воли родителей. Г. Плехановъ долженъ былъ бы наряду съ умомъ Николая Гавриловича указать на энергію воли, которая обнаруживалась имъ всегда, когда то было надобно, особенно въ послѣдніе годы жизни передъ арестомъ, во время слѣдствія, суда, въ Сибири и т. д. Впрочемъ, читая введеніе, вы чувствуете, что г. Плеханова Чернышевскій интересуетъ гораздо больше, какъ мыслитель; и, сообщивъ самыя необходимыя біографическія данныя, авторъ торопится перейти къ идеямъ изучаемаго имъ писателя. О характерѣ Чернышевскаго мы, однако, скажемъ ниже, когда познакомимъ читателей съ книгой г. Стеклова. Здѣсь мы ограничимся пока одною-двумя фактическими поправками, дѣлая ихъ со словъ сына Чернышевскаго, Михаила Николаевича Чернышевскаго, который издалъ очень цѣнное собраніе сочиненій своего отца **).

Г. Плехановъ задается вопросомъ: когда началъ свою литературную дѣятельность Чернышевскій? Его первыя произведенія, а именно библіографическія замѣтки о Гильфердингѣ и докторѣ Ней-

---

*) У меня нѣтъ подъ рукой тѣхъ номеровъ женевскаго неперіодическаго сборника, гдѣ были помѣщены статьи г. Плеханова о Чернышевскомъ, а есть только его нѣмецкая книжка: G. Plechanow, *N. G. Tschernischewsky. Eine literar-historische Studie*; Штутгартъ, 1894.

**) *Полное собраніе сочиненій Н. Г. Чернышевскаго*; Спб., 1906 (въ десяти томахъ; десятый состоитъ изъ двухъ частей).

кирхѣ, помѣщены въ № 7 «Отечественныхъ записокъ» за 1853 г. Къ этому времени должно было бы пріурочить дебютъ Чернышевскаго въ печати. Но дѣло не только въ этомъ. Г. Плеханова смущаетъ фраза, встрѣчающаяся въ относящейся къ 1854 г. рецензіи Чернышевскаго на томъ 7-ой «Справочнаго Энциклопедическаго Словаря» А. Старческаго. А именно, рецензентъ упоминаетъ, что «мы» еще въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1847 г. «представили подробный разборъ» перваго тома упомянутой энциклопедіи. На основаніи разныхъ соображеній г. Плехановъ приходитъ къ заключенію, что такъ какъ разборъ 1847 г. врядъ ли былъ написанъ Чернышевскимъ, то и «мы» въ рецензіи 1854 г. относится не къ Чернышевскому, а къ какому нибудь другому рецензенту «Отечественныхъ Записокъ», и сама рецензія лишь по ошибкѣ была включена издателемъ въ «Полное Собраніе сочиненій». М. Н. Чернышевскій утверждаетъ категорически, что рецензія 1854 г. принадлежитъ его отцу, а что «мы» въ ней редакціонное, указывающее просто на фактъ появленія первой рецензіи,—хотя и принадлежащей другому автору,—въ тѣхъ же «Отечественныхъ Запискахъ».

Точно также М. Н. Чернышевскій отмѣчаетъ и другую біографическую неточность, которая, впрочемъ, встрѣчается не у одного г. Плеханова, а у всѣхъ, кто писалъ по этому вопросу. Вопреки установившемуся въ литературѣ мнѣнію о томъ, что Чернышевскій не получилъ магистерскаго званія за вредное направленіе своей диссертаціи объ «Эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности», М. Н. Чернышевскій утверждаетъ вполнѣ категорически, что его отецъ эту ученую степень получилъ, и что у него имѣется даже выданный университетскимъ начальствомъ магистерскій дипломъ на имя Николая Гавриловича. Это обстоятельство является новымъ подтвержденіемъ великой тяги Николая Гавриловича къ литературной дѣятельности. Не оффиціальное препятствіе, значитъ, помѣшало ему посвятить себя учено-педагогической карьерѣ, а непреодолимое стремленіе работать на томъ поприщѣ, гдѣ внутреннее сознаніе развертывало передъ нимъ перспективу широкой и полезной для общества работы. Что касается до психологическаго основанія создавшейся легенды о неполученіи Чернышевскимъ магистра, то нельзя ли видѣть его, между прочимъ, въ слѣдующей фразѣ, сорвавшейся съ кончика саркастическаго пера Николая Гавриловича въ его знаменитой полемикѣ съ Вернадскимъ?

«Quel honneur, quel bonheur!
«Ah, monsieur le Conseiller d'Etat».

«При томъ же вы, г. И. В-скій, не только С. С., вы также «Д-ръ ист. н., пол. эк. и стат.»—и вы удостоиваете своей бесѣды простого смертнаго, которому, при всей вашей любезности, вы не можете дать никакого другого титула, какъ скромное названіе дилле-

танта въ наукѣ, который можетъ быть не выдержалъ экзамена не только на доктора, *даже на магистра* (курсивъ мой. Н. Р.), быть можетъ, не дослужился даже до чина коллежскаго регистратора!» *). М. Н. Чернышевскій нашелъ мою гипотезу довольно вѣроятной.

Послѣ этихъ чисто фактическихъ указаній вернемся къ г. Плеханову. Чернышевскій былъ человѣкомъ цѣльной и ясной мысли, всегда стремившимся внести единство въ свое міровоззрѣніе. Для такой личности, по самой природѣ своей враждебно относящейся къ эклектизму, общее міросозерцаніе имѣетъ громадное значеніе. Г. Плехановъ резонно начинаетъ изложеніе и критику взглядовъ Чернышевскаго съ его обще-философскихъ взглядовъ. По существу съ тѣмъ, что г. Плехановъ говоритъ о вліяніи Фейербаха на Чернышевскаго, о его «антропологическомъ принципѣ», о невѣрномъ освѣщеніи идеалистами спора между Чернышевскимъ и Юркевичемъ, о роли «разсчета» и взвѣшиванія различныхъ степеней «пріятнаго» въ области нравственности, нельзя не согласиться.

Но мнѣ кажется, что г. Плехановъ черезчуръ просто и легко зачисляетъ Фейербаха въ ряды чистокровныхъ матеріалистовъ, хотя бы и не такой наивной и грубоватой школы, какъ Бюхнеръ и Молешоттъ. Правда, самый характеръ глубокаго и энергичнаго, но мятущагося, но расцвѣченнаго поэтическими образами и усложненнаго немалыми противорѣчіями мышленія Фейербаха, мѣшаетъ намъ до сихъ поръ опредѣлить основной уклонъ его міровоззрѣнія. Кто онъ: матеріалистъ, или сенсуалистъ, или монистъ, по отношенію къ которому иной разъ даже трудно сказать, что у него выводится изъ чего, міръ изъ человѣческаго ощущенія, или ощущеніе изъ міра, или одно изъ другого, а потому не менѣе трудно опредѣлить, идеалистическій-ли то, или матеріалистическій монизмъ,—до сихъ поръ спеціалисты по философіи, и не изъ худшихъ, ломаютъ копья при обсужденіи этого вопроса. Рѣшать его нельзя на основаніи отдѣльныхъ афоризмовъ и отдѣльныхъ признаній самого Фейербаха. Ибо кому приходилось читать этого геніальнаго человѣка, въ самомъ имени котораго судьбою заключено понятіе объ «огненномъ потокѣ», тотъ знаетъ, какъ пламенный ураганъ фейербаховской мысли захватываетъ въ своемъ импульсивномъ бѣгѣ далеко не однородные по духу идейные элементы и сплавляетъ ихъ повидимому въ одно цѣлое нерѣдко лишь жаромъ философскаго энтузіазма.

Напр., г. Плехановъ цитируетъ изъ работы Фейербаха «О спиритуализмѣ и матеріализмѣ», дѣйствительно, очень эффектную матеріалистическую мысль: «Въ спорѣ между матеріализмомъ и спиритуализмомъ рѣчь идетъ о человѣческой головѣ... разъ мы узнали, что представляетъ собою та матерія, изъ которой состоитъ мозгъ, мы скоро придемъ къ ясному взгляду и насчетъ всякой другой ма-

---

*) *Полное собраніе сочиненій*, т. III, стр. 416 (статья «О поземельной собственности», помѣщенная въ №№ 9 и 11 «Современника» за 1857 г.).

теріи, насчетъ матеріи вообще» *). Но вотъ, какую оговорку дѣлаетъ нѣсколькими десятками страницъ дальше, въ томъ же этюдѣ самъ Фейербахъ. «Что же мы знаемъ о мозгѣ, что знаемъ о связи мышленія съ нимъ? Ничего мало-мальски точнаго (Nichts Näheres), или, по моему мнѣнію, ровно ничего; но именно потому, что мы ничего не знаемъ, мы наполняемъ вслѣдствіе извѣстнаго horror vacui или по аналогіи съ нимъ пустоту нашего знанія сочиненнымъ и измышленнымъ существомъ, превращаемъ ничто нашего знанія о матеріальной основѣ и процессѣ въ нематеріальное существо» **). Тутъ, впрочемъ, можно еще видѣть какъ бы простое сожалѣніе Фейербаха относительно слабости нашихъ знаній, только и дающей возможность существовать спиритуализму. Но нѣсколькими страницами ниже Фейербахъ уже прямо установляетъ точку своего сближенія съ идеализмомъ: «Я согласенъ съ идеализмомъ въ томъ, что должно исходить изъ субъекта, изъ «я», ибо совершенно очевидно сущность міра, который существуетъ для меня и какъ онъ существуетъ для меня, зависитъ вообще лишь отъ собственной моей сущности, отъ силы и свойствъ собственнаго моего пониманія; что такимъ образомъ міръ, поскольку онъ предметъ для меня, представляетъ, несмотря на свою самостоятельность, лишь предметное воплощеніе меня самого» (mein vergegenständlichtes Selbst) ***).

Любопытно, съ другой стороны, что свое отграниченіе отъ идеализма, свой; если можно такъ выразиться, выходъ изъ этой ужасной солипсической темницы «себя самого» Фейербахъ находитъ не на почвѣ какихъ-нибудь теоретическихъ соображеній о характерѣ и границахъ нашего познанія, или, какъ принято выражаться теперь, «гносеологіи», а на почвѣ практической жизни, на почвѣ аффективнаго отношенія къ дѣствительности и, прежде всего, къ людямъ-братьямъ ****). Я позволю себѣ процитировать слѣдующее довольно длинное мѣсто: «Истинность чувствъ основывается для меня только на согласіи нашихъ собственныхъ различныхъ опытовъ между собою и на согласіи равныхъ опытовъ различныхъ людей.

*) *Über Spiritualismus und Materialismus*; Werke, X, 129. Плехановъ, стр. 85.

**) W. X, стр. 163. Цитирую по тусклой, но добросовѣстной монографіи о Фейербахѣ датчанина Старкэ, изобилующей точными выписками изъ сочиненій философа: C N. Starcke, *Ludwig Feuerbach*; Штутгартъ, 1885, стр. 151.

***) W. X, стр. 186. Starcke, стр. 147.

****) Эта точка зрѣнія явственно проглядываетъ и у такихъ, казалось бы, «матеріалистовъ», какъ Гельвецій: «Не то, чтобы я претендовалъ отрицать существованіе тѣлъ, но я хотѣлъ бы лишь показать, что въ этомъ мы менѣе увѣрены, чѣмъ въ нашемъ собственномъ существованіи... Очевидно, что если мы болѣе увѣрены въ этомъ существованіи, чѣмъ въ существованіи тѣлъ, то ихъ существованіе представляетъ собою, слѣдовательно, лишь вѣроятность, — вѣротность, несомнѣнно, очень большую и въ области нашего поведенія равняющуюся очевидности, но все же только вѣроятность». См. Helvétius, *Traité de l'esprit*, прим. 6 къ тому первому (я цитирую по дешевому изд. «Bibliothèque Nationale», Парижъ, 1896, I, стр. 158).

Если бы внѣ меня не было никакихъ другихъ монадъ, то монадологія и вообще идеализмъ были бы правы: чувственное существо было бы лишь призракомъ. Но другая монада, другой человѣкъ, хотя и является лишь предметомъ моихъ чувствъ, оказывается равносущнымъ существомъ, оказывается «я», на подобіе меня, alter ego. Поэтому путемъ этого созерцанія я попадаю на новую истину, которой я не чувствовалъ, стоя на точкѣ зрѣнія своего монадскаго я, на истину чувственнаго бытія и существа. Столь же очевидно, какъ другой человѣкъ есть внѣ меня существующее существо (existirendes Wesen), и дерево, и камень являются такимъ существующимъ внѣ меня существомъ. Такимъ образомъ, истинность чувствъ основывается у меня на этой достовѣрности, на истинности alter ego, человѣка внѣ меня, на истинности любви, жизни, практики, а не на теоретическомъ значеніи чувствъ, не на происхожденіи идей изъ чувствъ, не на Локкѣ и Кондильякѣ» *).

Изъ этого разсужденія можно видѣть, что Фейербахъ не представляетъ собою такого прямолинейнаго матеріалиста, какимъ рисуетъ его г. Плехановъ. Въ самыхъ его, повидимому, матеріалистическихъ афоризмахъ заключается призывъ къ непосредственному созерцанію, къ аффекту практическаго общенія съ людьми, къ чувству субъекта, независимо отъ вопроса, на какомъ природномъ основаніи покоится существованіе человѣка, какъ личности. Даже въ надѣлавшемъ такой скандалъ афоризмѣ, какъ «человѣкъ есть то, что ѣстъ» (Der Mensch ist, was er isst), Фейербахъ не является наивнымъ бюхнеріанцемъ. Да, «человѣкъ есть то, что ѣстъ», — вызывающе бросаетъ Фейербахъ эту бутаду въ лицо лицемѣрнымъ рыцарямъ идеализма. Но на этомъ онъ не останавливается и продолжаетъ: «стало быть, кто ѣстъ чудовищныя вещи, самъ—чудовище, а кто самъ себя ѣстъ, тотъ—самоѣдъ, рефлектирующій, т. е. на самого себя обращающійся антропофагъ **). Ясное дѣло, что и этотъ афоризмъ нельзя понимать исключительно въ матеріалистическомъ, а скорѣе въ антропологическомъ смыслѣ. Вдумываясь въ міровоззрѣніе Фейербаха, я сказалъ бы, что въ немъ, пожалуй, можно даже легче найти элементы хотя бы ученія о чистомъ опытѣ, какъ оно было развито впослѣдствіи школой Авенаріуса, столь нелюбимой г. Плехановымъ, чѣмъ законченную систему матеріализма, хотя бы въ его «діалектическомъ» видоизмѣненіи, которое г. Плехановъ кладетъ во главу угла своего общаго міросозерцанія.

Во всякомъ случаѣ, и Чернышевскій, на котораго оказалъ такое

---

*) W. V, прим. 21 (1847), стр. 207. Starcké, стр. 148.

**) Karl Grün, *L. Feuerbach in seinem Briefwechsel und Nachlass sowie in seiner philosophischen Charakterentwickelung*; Лейпцигъ, 1874, въ двухъ томахъ, т. II, стр. 90 и W. X, стр. 26, 30. Starcké, стр. 162.

огромное вліяніе Фейербахъ *), не былъ матеріалистомъ во вкусѣ Бюхнера и Молешотта. Правда, въ его міровоззрѣніи не замѣчается неопредѣленности, которая не разъ смущаетъ насъ въ Фейербахѣ. Съ другой стороны, излагая для широкой русской публики свое общее міровоззрѣніе, построенное на единствѣ человѣческаго организма, на отрицаніи дуализма тѣла и духа, Чернышевскій порою, можетъ быть, упрощалъ и огрублялъ нѣсколько свои общіе взгляды. Но по существу онъ, разумѣется, не былъ сторонникомъ матеріализма того типа, который утверждалъ, что какъ печень выдѣляетъ желчь, а почки урину, такъ мозгъ выдѣляетъ мысль. И г. Плехановъ очень хорошо выясняетъ (стр. 99—109), какъ неправъ былъ Юркевичъ и какъ голословны были шедшіе по стопамъ Юркевича критики, когда они увѣряли, будто Чернышевскій отожествлялъ ощущеніе съ движеніемъ, или будто онъ забывалъ о существованіи субъекта, который только и можетъ переводить на качественный языкъ сознанія различныя по количеству колебанія эфира и звучащей среды; и когда они вмѣняли Чернышевскому въ вину игнорированіе столь существенной, видите ли, разницы между человѣкомъ и животнымъ, какъ проявленія «личнаго духа» (читай: метафизической души!) въ первомъ. Позволю прибавить отъ себя къ этой аргументаціи еще одно соображеніе. Полемизируя съ «Отечественными Записками», которыя козыряли противъ Чернышевскаго якобы сходствомъ взглядовъ Юркевича и Льюиса, Николай Гавриловичъ прямо говоритъ, что «съ Льюисомъ-то я совершенно соглашаюсь, а спросите-ка у г. Юркевича мнѣніе о школѣ, къ которой принадлежитъ Льюисъ, онъ вамъ такихъ любезностей о ней наговоритъ, что вы съ своимъ Льюисомъ жизни не рады будете, если дорожите мнѣніемъ г. Юркевича» **). Но Льюисъ, который въ цитированномъ мѣстѣ говоритъ о различіи физіологическихъ процессовъ отъ химическихъ, былъ, если не ошибаюсь, и первымъ

*) Въ письмахъ изъ Сибири къ семейству, часть которыхъ мнѣ удалось видѣть благодаря любезности М. Н. Чернышевскаго, прекрасно изучившаго весь матеріалъ, оставшійся послѣ отца, не разъ встрѣчаются упоминанія о Фейербахѣ. Николай Гавриловичъ видитъ въ Фейербахѣ величайшаго философа новыхъ временъ, подобнаго которому не было «за послѣдніе 150 лѣтъ», т. е. со смерти Спинозы. По мнѣнію Чернышевскаго, какъ Спиноза устарѣлъ только тогда, когда явился Фейербахъ, такъ и Фейербахъ устарѣетъ только тогда, когда явится другой такого же калибра мыслитель. Кстати, переписка Чернышевскаго съ родными, представляетъ, насколько я могу судить на основаніи лишь бѣглаго осмотра ея, единственный въ своемъ родѣ документъ для исторіи мысли нашего времени. Эти письма являются самымъ лучшимъ опроверженіемъ того мнѣнія, что Чернышевскій въ ссылкѣ сталъ лишь тѣнью прежняго Чернышевскаго. М. Н. Чернышевскій оказалъ бы громадную услугу всей мыслящей Россіи, если бы въ той или иной формѣ познакомилъ публику хотя бы въ общихъ чертахъ съ содержаніемъ этой переписки, до ея появленія въ полномъ видѣ.

**) *Полн. собр. соч.*, VIII, стр. 271 («Полемическія красоты. Коллекція вторая», № 7 «Современника» за 1861 г.).

психологомъ, который ввелъ обычное теперь сравненіе матеріальныхъ и соотвѣтствующихъ имъ духовныхъ явленій въ человѣческомъ организмѣ съ выпуклостью и вогнутостью одной и той же кривой, какъ двумя сторонами того же самаго феномена, лишь разсматриваемаго одинъ разъ съ объективной точки зрѣнія, а другой разъ съ субъективной *). Спрашивается теперь, былъ ли одобряющій Льюиса Чернышевскій такъ наивенъ, чтобы не понимать субъективной для человѣка разницы и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительнаго единства матеріальнаго и душевнаго процессовъ?

Не менѣе удаченъ вышелъ у г. Плеханова анализъ «ученія о нравственности» Чернышевскаго, который, какъ извѣстно, верховнымъ мѣриломъ поведенія людей, сословій, націй ставилъ принципъ пользы для человѣка и большей или меньшей группы существъ, стремящихся къ наслажденію и избѣгающихъ страданія. При чемъ роль высшаго трибунала, оцѣнивающаго степень важности и предпочтенія одного интереса другому, играетъ разсчетъ, разсудокъ.

Г. Плеханову было нетрудно показать, что здѣсь, какъ вообще у «просвѣтителей» XVIII-го вѣка, очень преувеличено значеніе эгоизма, взвѣшивающаго въ каждый данный моментъ мотивы того или иного поступка въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, насколько шире или уже кругъ лицъ, въ пользу которыхъ совершается извѣстный актъ, или насколько выше или ниже понятіе даннаго лица о своемъ истинномъ интересѣ. Надлежащая теорія о развитіи соціальныхъ инстинктовъ и чувствъ солидарности между людьми позволяетъ намъ понять, какъ «индивидуальный альтруизмъ» вытекаетъ изъ «общественнаго эгоизма» (терминологія г. Плеханова, которая довольно ясно характеризуетъ особенности всякой не-метафизической теоріи нравственности).

Можетъ быть, слѣдовало бы нѣсколько болѣе остановиться на той двойственности началъ, которая лежитъ въ основаніи утилитарной морали, не умѣющей гармонически слить воедино точку зрѣнія счастія (старинную эвдемонистическую мораль) и точку зрѣнія пользы (идущую отъ Бэкона черезъ англійскихъ и французскихъ матеріалистовъ къ Бентаму, Фейербаху и т. п.), хотя уже у Гельвеція сторона упражненія чувства и привычки къ добродѣтели могла бы, казалось, служить переходомъ къ эволюціонной теоріи морали **).

---

*) Школѣ Авенаріуса принадлежитъ заслуга выбить изъ послѣднихъ редутовъ метафизическое представленіе о томъ, что психическій процессъ можетъ оторваться на высшихъ ступеняхъ отъ физіологическаго процесса. «Въ общемъ процессѣ матеріальное явленіе (Geschehen) не прекращается ни на малѣйшій промежутокъ времени ,—говоритъ одинъ изъ самостоятельнѣйшихъ представителей школы. См. Joseph Petzoldt, *Einführung in die Philosophie der reinen Erfahrung*; Лейпцигъ, 1900, т. I, стр. 20.

**) Напр., съ одной стороны, „частный интересъ диктуетъ сужденіе ча-

Но уже и того, что находится у г. Плеханова, достаточно для критической оцѣнки читателемъ той точки зрѣнія, на которой стоялъ въ области нравственности Чернышевскій. Стоялъ, впрочемъ, не безъ колебаній, когда дѣло шло о практикѣ жизни или даже объ отраженіи этой жизненной практики въ его романахъ. Не любопытно ли, дѣйствительно, что въ томъ самомъ «Что дѣлать», гдѣ встрѣчается часто приписываемая Писареву фраза «жертва—сапоги въ смятку», находится также проникнутое искреннимъ чувствомъ разсужденіе Вѣры Павловны о «любви къ добру»? И «любовь» же, которую нельзя отожествлять лишь съ одной половой любовью, а которая охватываетъ всю сферу взаимной симпатіи людей, братьевъ въ будущемъ обществѣ, разлита на золотыхъ видѣніяхъ четвертаго сна героини.

Кстати, страницы, посвященныя г. Плехановымъ оцѣнкѣ знаменитаго романа (стр. 114—118 и раньше, стр. 70—76), заслуживаютъ полнаго сочувствія: онѣ не только блестятъ, но согрѣваютъ. Г. Плехановъ сравниваетъ, между прочимъ, «Что дѣлать» съ философскими романами Вольтера. Я бы прибавилъ, что кромѣ того, въ «Что дѣлать» есть въ отступленіяхъ юмористическая манера (я не говорю о степени) Диккенса; есть идейный пафосъ Руссо, котораго самъ Чернышевскій вспоминаетъ съ такой теплотой. А колоссальное вліяніе «Что дѣлать» на читателей можно, дѣйствительно, сравнить лишь съ вліяніемъ на людей XVIII вѣка «Новой Элоизы» и «Эмиля».

II.

Но уже тутъ же, въ концѣ главы, посвященной «ученію о нравственности» Чернышевскаго, встрѣчается у г. Плеханова мысль о «діалектическомъ процессѣ», которая разростается затѣмъ въ цѣлую главу «Чернышевскій и діалектика» (стр. 120—128), развивается, кромѣ того, въ очень многихъ мѣстахъ книги, но съ которой мы рѣшительно не согласны. «Діалектика», «діалектическій методъ» имѣютъ для г. Плеханова столь важное значеніе, что его даже не уложить въ обычное понятіе «метода». Нѣтъ, они являются скорѣе такой-же центральной идеей его міровоззрѣнія, какъ «историческій матеріализмъ». Зачастую г. Плехановъ даже сливаетъ оба понятія въ одно, называя свою общую точку зрѣнія «діалектическимъ матеріализмомъ», какъ бы говоря тѣмъ самымъ, что матеріализма, заслуживающаго этого имени, не можетъ быть помимо діалектики.

стныхъ лицъ и общій интересъ—сужденіе народовъ" (I, гл. 1, стр. 46). А съ другой, „каждый частный человѣкъ называетъ честностью въ другомъ человѣкѣ лишь привычку къ дѣйствіямъ, которыя полезны первому, ибо не единичное честное дѣйствіе, равно какъ не единичная остроумная мысль даетъ намъ названіе добродѣтельнаго или умнаго человѣка» (I, гл. 2, стр. 47).

И, однако, точно ли такъ тѣсно соединена діалектика съ матеріализмомъ и даже съ историческимъ матеріализмомъ? Что говорятъ факты? Прежде всего мы знаемъ, что у великаго мыслителя, котораго можно считать истиннымъ творцомъ діалектическаго метода, міровоззрѣніе носило характеръ самаго крайняго идеализма, какой когда либо существовалъ въ исторіи человѣческой мысли. Правда, мы знаемъ также, что Марксъ и Энгельсъ, испытавшіе на себѣ,—особенно первый,—громадное вліяніе Гегеля, «перевернули» діалектику своего учителя и поставили ее съ головы на ноги съ цѣлью сдѣлать изъ нея орудіе матеріалистическаго истолкованія исторіи. Далѣе намъ извѣстно, что несмотря на многочисленныя ошибки и искаженія фактовъ въ угоду теоріи, діалектическія построенія Гегеля въ примѣненіи къ общественнымъ наукамъ были настолько удачны, что нѣкоторые выдающіеся философы, напр. Ланге, готовы считать «основную мысль» гегелевской «философіи исторіи», а именно «развитіе путемъ противорѣчій и ихъ уравновѣшенія», «почти за антропологическое открытіе» *). Прибавимъ, наконецъ, что и въ рукахъ Маркса діалектическая схема оказалась чрезвычайно удобнымъ пріемомъ группированія изучаемыхъ соціальныхъ явленій и изложенія различныхъ сталкивающихся между собою тенденцій общественнаго развитія.

Но отсюда далеко до признанія діалектическаго метода какимъ то универсальнымъ принципомъ познанія—и, мало того, бытія!—каковымъ онъ является въ мнѣніи г. Плеханова. Что гегелевская діалектика вовсе не необходимо соединена съ «историческимъ матеріализмомъ», показываетъ хотя бы примѣръ все растущаго числа марксистовъ за границей и у насъ, которые держатся кто за неокантіанство, кто за эмпиріомонизмъ, кто просто за матеріализмъ и т. п. По всей вѣроятности, г. Плехановъ откажетъ имъ въ названіи марксистовъ. Но эта субъективная оцѣнка не поколеблетъ того объективнаго факта, что марксисты не-діалектики существуютъ и множатся.

И далѣе, насчетъ универсальности діалектики. Я думаю, что, напр., попытка приложить діалектическій методъ къ объясненію явленій космическихъ и вообще тѣхъ, гдѣ отсутствуютъ элементы сознанія, можетъ быть теперь признана окончательно неудавшейся. Нельзя теперь серьезно говорить, какъ это дѣлалъ Энгельсъ, о торжествѣ діалектическаго метода въ области механики, физики, біологіи и т. п., не грѣша самымъ яркимъ антропоморфизмомъ и не играя словами. Но и въ примѣненіи къ міру общественныхъ явленій, въ частности къ человѣческой исторіи, діалектика не можетъ претендовать на роль исключительнаго орудія пониманія, не говоря уже о роли движущаго начала въ соціальномъ процессѣ. Да, въ рукахъ умнаго и знающаго человѣка, при томъ обладающаго твор-

*) Fr. Alb. Lange, *Die Arbeiterfrage*; Винтертуръ, 2-е изд., 1870, стр. 237.

ческой фантазіей, діалектическій пріемъ истолкованія явленій можетъ дать красивыя и порою удачно объясняющія дѣйствительность построенія. Но и тутъ не обойдется безъ искусственности и натяжекъ. Хочешь не хочешь, а укладывай совершающійся процессъ въ вѣчный танецъ изъ трехъ па: тезисъ, антитезисъ и синтезисъ. Между тѣмъ, наблюдаемыя явленія, можетъ быть, гораздо естественнѣе группируются не въ тріаду, а въ тетраду, пентаду, гексаду и т. п. Если же сторонникъ діалектики скажетъ, что всѣ эти «ады» логически сводятся къ простѣйшему своему выраженію, а именно, тройственному и вѣчно повторяющемуся, процессу положенія, противоположенія и сложенія, то спрашивается: не имѣемъ ли мы здѣсь передъ собою иллюзіи проникновенія въ объективный процессъ, тогда какъ въ сущности-то дѣло идетъ только о субъективномъ процессѣ «сходства и различенія» признаковъ предметовъ, только о логическомъ законѣ «тождества и противорѣчія» и о попыткахъ мысли все дальше и дальше подвигаться впередъ на почвѣ абстрактнаго объединенія борющихся представленій?

Но сторонники діалектики приписываютъ ей чудодѣйственныя свойства въ смыслѣ пониманія вѣчной смѣны общественныхъ формъ, непрерывной революціи въ вещахъ и умахъ, низведенія мнимо абсолютныхъ учрежденій на степень историческихъ категорій и т. д... За симъ слѣдуетъ обыкновенно болѣе или менѣе горячая тирада о революціонности par excellence діалектическаго мышленія съ противоположеніемъ абсолютному мышленію реакціонныхъ буржуа, со ссылками на мыслителей всѣхъ временъ и народовъ, начиная отъ Гераклита, провозглашавшаго πάντα ῥεῖ, πάντα χωρεῖ καὶ οὐδὲν μένει (все течетъ, все идетъ впередъ и ничто не остается на мѣстѣ) и кончая Марксомъ, который сдѣлалъ изъ діалектики Гегеля орудіе освобожденія рабочаго класса и, стало быть, всего человѣчества, и т. д.

На это можно отвѣтить, что ходъ современной научной мысли выработалъ какъ разъ такое понятіе о совершающихся въ мірѣ процессахъ развитія, которое достаточно объективно, достаточно считается съ текучестью вещей и идей, достаточно въ этомъ смыслѣ революціонно (ибо не исключаетъ признанія переворотовъ, являющихся необходимыми узловыми пунктами развитія), но вмѣстѣ съ тѣмъ свободно отъ свойственнаго діалектикѣ неудобства продѣлывать волею - неволею тройственный танецъ: разъ-два-три! разъ-два-три! Я разумѣю понятіе объ эволюціи. Правда, сторонники діалектическаго метода не разъ принимались объяснять, что это то-жъ да не то-жъ, что всетаки эволюція вещь узкая и по существу буржуазная, а діалектика—вещь всеобъемлющая и революціонная. Но я, признаться, до сихъ поръ не могъ понять преимущества діалектическаго метода надъ эволюціоннымъ и считаю приверженность ортодоксальныхъ марксистовъ къ гегелевской діалектикѣ за извѣстнаго рода идіосинкразію, за идейный «тикъ» школы,

которая держится нѣкоторыхъ привычекъ мысли только потому, что ихъ держался великій ея основатель. Могу, впрочемъ, прибавить, что діалектическій методъ, пожалуй, сыгралъ не малую роль въ дѣлѣ подготовленія умовъ къ воспріятію современнаго эволюціоннаго ученія. Хотя, съ другой стороны, «просвѣтители» Тюрго и Кондорсэ не дожидались Гегеля, чтобы положить основаніе эволюціонной теоріи развитія обществъ. А тамъ ихъ идеи повліяли на геніальнаго Сэнъ-Симона, отъ него перешли къ Огюсту Конту, далѣе къ Спенсеру, Боклю, многочисленнымъ этнографамъ, историкамъ культуры, изслѣдователямъ права и т. д. и сложились въ теорію, развивавшуюся болѣе или менѣе независимо отъ Гегеля и его школы *).

Г. Плехановъ, конечно, не согласится съ этимъ. Онъ въ гегельянской діалектикѣ видитъ до сихъ поръ выраженіе объективнаго процесса міра и вмѣстѣ единственное по своей мощи орудіе субъективнаго процесса пониманія. Соотвѣтственно съ этимъ онъ относится къ самому творцу ея, къ Гегелю, съ идейнымъ энтузіазмомъ, который врядъ ли уступаетъ его энтузіазму къ Марксу. И его оцѣнка мыслителей зачастую опредѣляется ихъ отношеніемъ къ только что упомянутымъ двумъ именамъ. Такъ, несмотря на свои искреннія симпатіи къ Чернышевскому, несмотря на «благоговѣйное уваженіе къ нему, какъ человѣку и литературному дѣятелю» (см. предисловіе, стр. 14), г. Плехановъ,—невѣрно, по моему мнѣнію,—ставитъ Чернышевскаго «по способности проникать въ самую глубину философскихъ вопросовъ» ниже «геніальнаго Бѣлинскаго» (стр. 121). И почему? Потому что въ Бѣлинскомъ онъ видитъ человѣка, лучше понявшаго Гегеля.

Какъ бы то ни было, г. Плехановъ, одобряя нѣкоторыя стороны критики, направленной Чернышевскимъ противъ Гегеля, видитъ существенный недостатокъ русскаго мыслителя въ томъ, что онъ не понялъ самой главной черты «діалектическаго метода». Она, по мнѣнію г. Плеханова, заключается въ томъ, что методъ этотъ «въ самомъ явленіи, а не въ тѣхъ или другихъ симпатіяхъ или антипатіяхъ изслѣдователя ищетъ силъ, обусловливающихъ собой развитіе этого явленія». А посему «діалектическій методъ матеріалистиченъ по своей природѣ». Такъ что даже идеалисты, вродѣ «самого Гегеля», нерѣдко становятся въ своихъ изслѣдованіяхъ матеріалистами, ибо къ тому приводитъ ихъ сама діалектика, ведущая неизбѣжно къ «сознанію зависимости хода идей отъ хода вещей». Не понявъ этой сути «діалектическаго метода», Чернышевскій, «бывшій въ философіи рѣшительнымъ матеріалистомъ, оставался

*) Я говорю здѣсь объ эволюціонизмѣ въ области общественныхъ наукъ. Но если перейти къ сферѣ наукъ естественно-историческихъ, то тутъ же достаточно упомянуть имена Ламарка, Дарвина, Бэра, Уоллэса и т. п., чтобы читатель видѣлъ, какъ мало современный эволюціонизмъ нуждался для своего развитія въ гегельянствѣ.

идеалистомъ въ своихъ историческихъ и общественныхъ взглядахъ». А вотъ Марксъ и Энгельсъ это поняли, и потому-то имъ и «удалось... сдѣлать новѣйшій матеріализмъ *ученіемъ діалектическимъ по преимуществу*» (курсивъ въ подлинникѣ. Н. Р.).

Такъ разсуждаетъ г. Плехановъ (стр. 125—126), съ которымъ мы согласны вообще,—разница лишь въ оттѣнкахъ,—что Чернышевскій не стоялъ на точкѣ зрѣнія историческаго матеріализма; но не согласны ни въ томъ, что особенность діалектическаго метода Гегеля заключается въ «изученіи самихъ явленій», а не «симпатіяхъ» и т. д. изслѣдователя, ни въ томъ, что методъ этотъ непремѣнно ведетъ къ матеріализму и въ области общественной. Въ сущности къ «изученію явленій», а не къ подтасовыванію фактовъ въ угоду своимъ «симпатіямъ» стремится всякій современный ученый, маломальски заслуживающій этого имени. И многіе работники, стоящіе на почвѣ эволюціонизма, могутъ быть даже поставлены въ примѣръ сторонникамъ «діалектическаго метода» по умѣнью бережно и серьезно обращаться съ данными наблюденія и опыта. Даже столь презираемый г. Плехановымъ «русскій субъективизмъ» въ лицѣ Лаврова и Михайловскаго ставилъ первымъ требованіемъ изслѣдованія добросовѣстное, по возможности объективное отношеніе къ фактамъ. Онъ только прибавлялъ, что по самымъ свойствамъ человѣческой натуры этимъ нельзя ограничиться. Хотите ли вы того или нѣтъ, но въ васъ будетъ громко говорить практическая потребность, потребность всесильная и неистребимая, такъ или иначе, съ «симпатіей» или «антипатіей» отнестись къ результатамъ вашей изслѣдующей мысли.

Мало того. Изъ того, что я считаю себя образцомъ объективнаго изслѣдователя, не значитъ еще, что я, дѣйствительно, пользуюсь этой завидной привилегіей. Вонъ Гегель изучалъ «сами явленія», думая, что въ лицѣ его самъ абсолютный духъ дошелъ до адэкватнаго пониманія смысла своихъ многотрудныхъ и многообразныхъ странствій по тройственному царству логическаго бытія, природы и духа. А что давало сплошь и рядомъ это якобы объективное вскрытіе перипетій сущаго, чуждое всякихъ субъективныхъ сужденій и страстныхъ оцѣнокъ,—чѣмъ такъ гордился Гегель? Возьмите хотя бы его «Философію исторіи», которая, дѣйствительно, (особенно во введеніи) поражаетъ непредубѣжденнаго читателя грандіозностью и остроуміемъ перспективъ, широтою задачъ и высокой, чисто художественной прелестью изложенія. Обозрѣвая на послѣднихъ страницахъ путь, пройденный имъ, Гегелемъ, подъ руководствомъ духа, или, вѣрнѣе сказать, духомъ по инструкціямъ Гегеля, великій діалектикъ считаетъ возможнымъ закончить изслѣдованіе гордыми словами: «міровая исторія есть не что иное, какъ развитіе понятія свободы». А вотъ что вы читаете нѣсколькими строками выше о современной Гегелю Германіи, суть которой характеризуется слѣдующими особенностями, очевидно, тоже выведен-

ными изъ изученія «самихъ явленій»: «Правительство покоится на мірѣ чиновниковъ, а личное рѣшеніе монарха стоитъ на самомъ верху... Управлять должны знающіе, οἱ ἄριστοι, а не невѣжество и не тщеславіе, мнящее, будто оно лучше знаетъ (Eitelkeit des Besserwissens») *).

Что за идиллія! Совсѣмъ, какъ у Гейне... «Міръ чиновниковъ»:

Часомъ тѣмъ бразды правленья
Принимаетъ вѣрный песъ,—
Всѣмъ извѣстенъ нравъ министра,
Громкій лай и чуткій носъ..

А вотъ и «личное рѣшеніе на самомъ верху»:

А король сквозь сонъ лепечетъ:
„Тяжело быть королемъ!
„Такъ хотѣлъ бы отдохнуть я
„Съ королевою вдвоемъ"...

Отсюда слѣдуетъ, что не всякій, претендующій на изученіе «самихъ явленій», хотя бы онъ былъ Гегелемъ, на самомъ дѣлѣ изучаетъ ихъ, а не прилаживаетъ къ своимъ вкусамъ. Что касается до необходимой связи діалектики съ историческимъ матеріализмомъ, то,—оставляя въ сторонѣ сказанное выше, — не обманываетъ ли насъ то совпаденіе, что Марксъ и Энгельсъ, прошедшіе діалектическую школу Гегеля, стали вскорѣ и прямолинейными матеріалистами? Но вѣдь всѣмъ гегельянцамъ остался въ общее наслѣдство діалектическій методъ. Между тѣмъ изъ трехъ теченій, на которыя раздѣлилась великая рѣка гегельянства, лишь одно, а именно лѣвое крыло (называемое «крайней лѣвой») дошло до антропологизма и матеріализма, центръ же (обыкновенно именуемый просто «лѣвой») не пошелъ далѣе пантеизма, а правое крыло сейчасъ же стало на якорь въ спокойной гавани традиціоннаго протестантскаго богословія.

Какъ ни какъ, но г. Плехановъ, повторяю, въ общемъ правъ, не считая Чернышевскаго ни прямымъ ученикомъ Маркса, ни самостоятельно развившимся сторонникомъ историческаго матеріализма, а прежде всего «раціоналистомъ», хотя съ болѣе или менѣе значительнымъ привхожденіемъ элементовъ матеріалистическаго пониманія исторіи.

Что Чернышевскій не зналъ Маркса и Энгельса, не зналъ, по крайней мѣрѣ, до ссылки, въ ту пору, когда былъ вождемъ передовой интеллигенціи, въ этомъ не можетъ быть, кажется, сомнѣнія. Онъ, конечно, могъ слышать эти имена, но врядъ ли носители ихъ возбуждали въ немъ интересъ. Напр., въ №№ 9, 10 и 11 «Современника» за 1861 г. помѣщена большая статья Н. В. Шелгунова

*) *Hegel's Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte*; Берлинъ, 1840, т. IX второго изд. „Werke", стр. 545—546, passim.

«Рабочій пролетаріатъ въ Англіи и во Франціи». Въ ней попадаются слѣдующія, имѣющія для насъ въ данномъ случаѣ интересъ строки: «Въ числѣ писателей, на которыхъ нападаетъ Гильдебрантъ, есть и Энгельсъ, одинъ изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ нѣмцевъ. Имя это у насъ совсѣмъ неизвѣстно, хотя европейская экономическая литература обязана ему лучшимъ сочиненіемъ объ экономическомъ бытѣ англійскаго рабочаго» *). Шелгуновъ, между прочимъ, много говоритъ въ своей статьѣ о бѣдствіяхъ пролетаріевъ въ Англіи подъ вліяніемъ концентраціи производства на капиталистическихъ фабрикахъ, ожесточенной конкуренціи трудящихся изъ-за работы, даже о политическомъ движеніи массъ, извѣстномъ подъ именемъ чартизма и т. п. Рядомъ съ Шелгуновымъ, въ тѣхъ же книжкахъ «Современника» Чернышевскій помѣщаетъ свои «Очерки изъ политической экономіи» по Миллю и какъ разъ по тѣмъ вопросамъ, которые иллюстрируетъ составленный на основаніи Энгельса этюдъ Шелгунова, напр., о «вліяніи экономическаго прогресса на рабочую плату, прибыль», о кризисахъ и т. п. Казалось, поинтересуйся Чернышевскій книгой Энгельса, его могучій умъ долженъ былъ именно въ этихъ вопросахъ такъ или иначе реагировать на «Положеніе рабочаго класса въ Англіи», гдѣ не только въ зародышѣ, но уже на половину въ обработанномъ видѣ развиваются взгляды историческаго матеріализма на исключительно экономическую подкладку политическихъ движеній, на классовую борьбу буржуазіи и пролетаріата, на отношеніе между стихійнымъ движеніемъ рабочихъ и утопическими взглядами тогдашнихъ англійскихъ «соціалистовъ» **). Но Чернышевскій, который долженъ былъ, несомнѣнно, внимательно прочитывать и редактировать статьи своего журнала, проходитъ мимо упоминанія объ Энгельсѣ у Шелгунова и не обнаруживаетъ желанія остановиться на работѣ «лучшаго и благороднѣйшаго нѣмца».

На воззрѣнія Чернышевскаго Марксъ и Энгельсъ, о которыхъ, впрочемъ, Николай Гавриловичъ не упоминаетъ страннымъ образомъ и позже, въ своей перепискѣ изъ Сибири,—не могли такимъ образомъ имѣть вліянія. Хотя, объединяя немногочисленныя до сихъ поръ біографическія данныя о развитіи Николая Гавриловича, а главное изучая его произведенія, нельзя не придти къ тому довольно интересному выводу, что первоначальные элементы, вліявшіе на выработку міровоззрѣнія какъ нашего Чернышевскаго, такъ и родоначальниковъ европейскаго научнаго соціализма, были, казалось бы, одни и тѣ же: великіе соціалисты-утописты; послѣдующіе соціалисты и политическіе историки Франціи; представители клас-

*) «Современникъ», 1861, № 9, стр. 137.

**) См., напр., въ книгѣ Friedrich Engels, *Die Lage der arbeitenden Klasse in England*; Лейпцигъ, 2-е изд., 1848, главу „Рабочія движенія" (стр. 256—289), или заключительную главу „Отношеніе буржуазіи къ пролетаріату" (стр. 328-354).

сической политической экономіи, почти исключительно англичане; Гегель и крайняя лѣвая гегельянства. Очевидно, въ особенностяхъ умственнаго типа Чернышевскаго, а, можетъ быть, еще болѣе того въ условіяхъ непосредственно окружавшей его русской дѣйствительности, заключались причины, давшія въ міровоззрѣніи нашего великаго мыслителя перевѣсъ раціоналистическому началу.

Но если сопоставлять Чернышевскаго съ Марксомъ, то я предпочелъ бы называть Чернышевскаго не раціоналистомъ, а интеллектуалистомъ, чтобы противоположить его взглядъ на могущество разума, все устрояющаго интеллекта, той системѣ «коллективнаго сенсуализма», — какъ я назвалъ десятокъ лѣтъ тому назадъ ученіе Маркса,—которая видитъ до сихъ поръ въ исторіи преобладаніе всесильныхъ инстинктовъ и потребностей, смутныхъ, неопредѣленныхъ, но необыкновенно энергическихъ чувствованій и аффектовъ человѣка надъ его разсудочными планами и сознательными дѣйствіями. Словно обширный и глубокій океанъ, мятется стихійная психологія людей, лишь поверхностныя волны которой доступны взору наблюдателя. И небольшимъ, хотя все увеличивающимся островкомъ выступаетъ освѣщенная солнцемъ сознанія та доля душевнаго міра, въ которой господствуетъ разсчетливая постановка цѣлей и обдуманный выборъ средствъ для ихъ достиженія. Величайшая заслуга Маркса, по моему, и заключается къ томъ, что онъ поставилъ въ главу угла общественнаго развитія человѣческое «бытіе», поставилъ цѣльнаго человѣка съ его потребностями и инстинктивнымъ нащупываніемъ способовъ ихъ удовлетворенія, и уже изъ этого бытія вывелъ человѣческое «сознаніе», корыстную и безкорыстную работу мысли надъ данными опыта.

Дальнѣйшей чрезвычайно крупной заслугой Маркса является то, что онъ указалъ почву, на которой совершается усложненіе человѣческой психологіи и, стало быть, опредѣлилъ основныя пружины исторіи общества, состоящаго изъ живыхъ, чувствующихъ и дѣйствующихъ личностей. Чтобы отстоять свое существованіе въ природѣ, чтобы жить, человѣкъ вступаетъ въ извѣстныя отношенія къ себѣ подобнымъ для постоянной борьбы съ природой и побѣдой надъ ней. Но онъ лишь тогда пріобрѣтаетъ прочную опору для своего развитія, когда между собой и природой вдвигаетъ промежуточное звено, изобрѣтаетъ (въ началѣ просто открываетъ) орудіе, инструментъ въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, т. е. технику. Въ ней кристаллизуются результаты его безсознательныхъ опытовъ и сознательныхъ пріемовъ. Она служитъ возбудителемъ умственной и нравственной работы каждаго члена общества. Подъ ея вліяніемъ перерабатываются мускулы, растетъ и разнообразится нервная система, увеличивается мозгъ, т. е. создаются необходимыя условія для дальнѣйшаго усложненія и развитія такъ называемой «души».

Передъ этой великой цивилизующей ролью техники, которая импонируетъ даже любому современному метафизику, лишь бы онъ обладалъ достаточной силой мысли (см., напр., разсужденія объ «искусственномъ орудіи» Анри Бергсона), отступаетъ на задній планъ вопросъ о томъ, какія потребности въ человѣкѣ считать самыми настоятельными, и въ какой степени «экономическія отношенія» могутъ считаться основными общественными отношеніями. Лично я думаю, что ученики Маркса черезчуръ съузили основную мысль учителя, перенеся центръ всей системы на эти отношенія, вмѣсто того, чтобы изучать общее вліяніе технологіи на человѣка, въ мозгу котораго,—да и во всемъ организмѣ, — орудіе создаетъ почву и элементы для выработки не однихъ экономическихъ, но вообще человѣческихъ потребностей, интересовъ, навыковъ, чувствъ и идей *). Такъ, у г. Плеханова «производительныя силы», «матеріальная сторона жизни», «экономическое развитіе общества», «отношенія производства», «человѣческіе интересы» и т. п. подобныя выраженія являются едва ли не въ значеніи синонимовъ. И всѣ они вмѣстѣ составляютъ систему «историческаго матеріализма», которому противоставляется историческій же идеализмъ, раціонализмъ, утопизмъ.

Эти замѣчанія не мѣшаютъ намъ признать, что г. Плехановъ сопоставленіемъ цитатъ изъ Чернышевскаго успѣшно доказалъ, во-первыхъ, извѣстную двойственность, противорѣчивость взглядовъ Николая Гавриловича на ходъ исторіи, во-вторыхъ, преобладаніе въ этихъ взглядахъ раціонализма («идеализма») надъ «матеріализмомъ». Можно, пожалуй, прибавить, что г. Плехановъ уменьшилъ нѣсколько долю «матеріалистическаго» истолкованія явленій у Чернышевскаго (какъ г. Стекловъ преувеличилъ эту долю). Любопытно, замѣчу кстати, что не только г. Плехановъ, но и г. Стекловъ, взглядамъ котораго это болѣе бы соотвѣтствовало, не цитируютъ той фразы Чернышевскаго, гдѣ «историческій матеріализмъ», можетъ быть, всего ближе даже и по формѣ напоминаетъ Маркса. А именно, говоря о первомъ томѣ сочиненій Грановскаго, Чернышевскій въ числѣ недостатковъ рутинной исторіи, считаетъ то, что она едва упоминаетъ «о матеріальныхъ условіяхъ быта, играющихъ едва ли не первую роль въ жизни, составляющихъ коренную причину почти всѣхъ явленій и въ другихъ высшихъ сферахъ жизни» **). Тутъ поневолѣ чуть не встрепенешься: такъ родственна эта мысль хотя бы знаменитому предисловію къ «Критикѣ политической экономіи».

Но, разумѣется, отдѣльныя фразы еще немного доказываютъ. И г. Плехановъ правъ, когда рядомъ съ мыслями Чернышевскаго о

*) Ср. мои *Соціологическіе очерки*; „Русское Богатство", 1905, № 2, стр. 95 и слѣд.

**) *Полн. собр. соч.*, II, стр. 409 («Критика» въ № 6 «Современника» за 1856 г.)

связи «личной поземельной собственности» и вообще «государственныхъ» и «племенныхъ правъ» съ тѣмъ или инымъ «бытомъ» народовъ (стр. 155), о зависимости «образа мыслей людей» отъ ихъ «представленій о своихъ интересахъ» (стр. 156), о современной «исторіи» передовыхъ странъ Европы, имѣющей «главнымъ своимъ содержаніемъ борьбу средняго сословія съ народомъ» (стр. 159), цитируетъ другія мысли Чернышевскаго, по истинѣ поражающія своимъ «идеализмомъ», — я бы опять сказалъ: интеллектуализмомъ. Напр., хотя бы въ статьѣ «О причинахъ паденія Рима» Чернышевскій прямо говоритъ, что «прогрессъ основывается на умственномъ развитіи», благодаря которому «уменьшаются фальшивыя понятія, мѣшающія людямъ устраивать свою общественную жизнь» (стр. 164). И этотъ взглядъ повторяется Николаемъ Гавриловичемъ не одинъ разъ. Можно привести цѣлый рядъ выписокъ, гдѣ «невѣжество», «отсутствіе знаній», недостатокъ «правильныхъ» мыслей у массъ, тотъ фактъ, что «истины» не дошли еще до «простолюдина», — словомъ, все, что касается исключительно познающей стороны человѣка, принимаетъ подъ перомъ знаменитаго русскаго писателя значеніе исключительно важнаго фактора въ общественной жизни людей. И, однако, я не рѣшился бы утверждать такъ категорически, какъ это дѣлаетъ г. Плехановъ во второй части своей книги, гдѣ онъ характеризуетъ Чернышевскаго въ качествѣ «утопическаго соціалиста»,—не рѣшился бы, говорю я, утверждать: «построивъ свою философію исторіи на томъ идеалистическомъ принципѣ, что міромъ правятъ мнѣнія, онъ не могъ не примѣнять этого принципа и къ политикѣ» (стр. 326).

Не вѣрнѣе ли было бы формулировать мысль Чернышевскаго,— правда, зачастую недоговоренную и не лишенную противорѣчій,— въ такомъ видѣ: «онъ полагалъ, что міромъ должны были бы править мнѣнія людей, но мнѣнія, опирающіяся на пониманіе ими своихъ истинныхъ интересовъ. А такія въ настоящее время не могутъ сдѣлаться пока достояніемъ простолюдиновъ, живущихъ въ тяжелыхъ условіяхъ. И потому въ мірѣ царятъ случайность, нелѣпица, инстинктивное порыванье къ удовлетворенію потребностей, напряженныя, но смутныя чувства и вытекающія отсюда роковыя ошибки»? Я думаю, что въ такой приблизительно формѣ понятіе о могуществѣ слѣпыхъ общественныхъ силъ, пока вырывающихся изъ-подъ нашего контроля, должно проникать въ голову самыхъ чистокровныхъ интеллектуалистовъ. Почему, напр., Огюстъ Контъ придаетъ такое значеніе умственному фактору? Потому, что, по его мнѣнію, лишь благодаря прогрессу положительныхъ знаній, человѣчество, совершенно подавленное на первыхъ порахъ «заботами единственно о нашемъ матеріальномъ существованіи» (les soins de notre seule existence materielle) и удовлетвореніемъ «настоятельныхъ потребностей», можетъ удѣлить время на развитіе ин-

теллектуальныхъ функцій и соціальныхъ инстинктовъ» *). Если вдуматься въ то, съ какой настойчивостью нашъ интеллектуалистъ Чернышевскій говоритъ о необходимости для всякихъ плановъ разумнаго общественнаго устройства опираться на потребности массъ, а съ другой стороны, съ какой искренностью» онъ оплакиваетъ столь нераціональный, по его мнѣнію, ходъ человѣческой исторіи, управляющейся до сихъ поръ всѣмъ, чѣмъ хотите, только не требованіями логики, то приходишь къ заключенію, что въ философію исторіи Николая Гавриловича должна была входить, можетъ быть, не вполнѣ ясная, но постоянная мысль о значеніи инстинктовъ, чувствъ, страстей, потребностей, если и не вполнѣ освѣщенныхъ сознаніемъ, то тѣмъ болѣе настоятельныхъ. И здѣсь пунктъ сближенія, но отнюдь не тождество между Марксомъ и Чернышевскимъ.

Въ послѣдніе годы своей дѣятельности Чернышевскій подчеркивалъ даже съ охотою цѣлесообразную роль общественныхъ страстей. И я еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, дѣлая нѣкоторыя поправки къ представленію о Чернышевскомъ, какъ о чистомъ раціоналистѣ, цитировалъ изъ «Антропологическаго принципа» знаменательныя строки: «Каждый важный общественный вопросъ возбуждаетъ страсти... Людямъ, хотѣвшимъ этого полезнаго дѣла (отмѣны хлѣбныхъ законовъ въ Англіи. Н. Р.), только тогда удалось побороть могущественную оппозицію, когда разыгрались страсти въ большинствѣ общества, много выигрывавшаго отъ важной реформы; а когда общество взволновалось страстью, холодное веденіе дѣла было невозможно... Вѣдь это не совсѣмъ раціонально... Конечно такъ, но очень важныя для общества дѣла никогда такъ (т. е. «глубже вникая» Н. Р.) не дѣлались» **).

Мнѣ кажется, что вообще статьи Чернышевскаго, написанныя въ послѣдніе годъ-два его журнальной работы (до ареста), вмѣстѣ съ тѣмъ немногимъ, что мы знаемъ о его негласной политической дѣятельности, могутъ служить очень полезнымъ матеріаломъ для сужденія и о его «утопизмѣ». Г. Плехановъ черезчуръ сгустилъ въ этомъ отношеніи тоны на исторической фигурѣ Чернышевскаго. Въ главахъ объ «утопическомъ соціализмѣ», поземельной общинѣ, «соціализмѣ и политикѣ» (стр. 275—342), т. е. именно тамъ, гдѣ Николай Гавриловичъ подводится подъ категорію утопическихъ соціалистовъ, самъ же г. Плехановъ принужденъ

*) См. вообще очень любопытныя, по скрытому въ нихъ «историческому матеріализму», начальныя страницы 51-й лекціи, посвященной «основнымъ законамъ соціальной динамики»: Auguste Comte, *Cours des philophie positive*; т. IV третьяго изд., Парижъ, 1869, стр. 442 и слѣд.

**) См. для этой и другихъ ограничивающихъ «раціонализмъ» Чернышевскаго цитатъ мою статью: «Н. Г. Чернышевскій и Россія 60-хъ годовъ»; «Русское Богатство», 1905, № 3, которая съ нѣкоторыми дополненіями перепечатана въ моей книгѣ *Соціалисты Запада и Россіи*; Спб., 1909, 2-е изд., стр. 325 и слѣд.

частными комментаріями ослаблять безусловность своей общей оцѣнки. Что въ особенности характеризуетъ этотъ родъ общественныхъ реформаторовъ? Это— стремленіе рѣшать великій соціальный вопросъ, выростающій изъ самой толщи современныхъ отношеній, лабораторнымъ путемъ, устроеніемъ образцовыхъ фаланстеровъ, колоній, и т. п. микроскопическихъ моделей будущаго общества, разсчитанныхъ на сектантскій пылъ отдѣльныхъ распропагандированныхъ основателемъ системы прозелитовъ. Это — отвращеніе отъ политической, особенно революціонной дѣятельности, опирающейся, наоборотъ, вполнѣ естественно уже не на отдѣльныхъ лицъ, а на широкіе слои трудящихся. Конечно, въ основѣ этихъ двухъ утопическихъ тенденцій лежитъ мысль о преобладающей роли реформатора, который самъ стоитъ внѣ массъ и считаетъ возможнымъ дѣйствовать на нихъ лишь блистательной логической аргументаціей и заразительнымъ примѣромъ совершенныхъ общежитій. Но если Чернышевскій, въ качествѣ интеллектуалиста, придавалъ большое значеніе направляющей и осмысливающей дѣятельности развитыхъ людей, проясняющихъ извнѣ сознаніе «простолюдиновъ», то чутье подсказывало ему какъ недовѣріе къ соціальному экспериментаторству при помощи игрушечныхъ моделей грядущаго строя, такъ и нелюбовь къ политическому индифферентизму.

Планъ промышленно-земледѣльческихъ ассоціацій, который онъ двоекратно, въ «Трудѣ и капиталѣ» и въ «Очеркахъ», развертываетъ (главнымъ образомъ, по Луи Блану), и радужныя, вдохновленныя преимущественно Фурье видѣнія будущаго общества въ «Что дѣлать», равно какъ описаніе швейной коопераціи Вѣры Павловны,—все это является для Чернышевскаго только орудіемъ пропаганды и агитаціи, лишь средствомъ убѣдить людей, что соціализмъ не только желателенъ, но и возможенъ, что онъ, такъ сказать, находится при желаніи тутъ же подъ руками. И въ смыслѣ выработки первыхъ кадровъ проповѣдниковъ соціализма въ Россіи дѣйствіе этихъ пріемовъ Чернышевскаго было колоссально.

Что касается до отношенія Николая Гавриловича къ политикѣ, то самъ г. Плехановъ говоритъ, что «политическимъ индифферентистомъ онъ, на самомъ дѣлѣ, не былъ никогда; напротивъ, онъ всегда живо интересовался политикой» (стр. 321). По этому поводу можно даже замѣтить, что г. Плехановъ, видя въ Чернышевскомъ утопическаго соціалиста, не знающаго, какъ сочетать соціализмъ, который нуждается въ сочувствіи массъ, съ политикой, къ которой онѣ пока равнодушны, порою какъ-то не замѣчаетъ тѣхъ соображеній Чернышевскаго, гдѣ мысль послѣдняго близко подходитъ къ надлежащему рѣшенію. Такъ, г. Плехановъ дѣлаетъ изъ «Борьбы партій во Франціи» длинныя выписки, изъ которыхъ явствуетъ, что «демократамъ» (т. е. соціалистамъ) «почти все равно», какимъ путемъ добыть и поддержать «новое устройство общества», благопріятное «низшимъ сословіямъ». Но «либералы» борются противъ «перевѣса»

этихъ сословій, «потому что эти сословія равнодушны... къ праву свободной рѣчи и конституціонному устройству» (стр. 318). И, однако, я уже въ цитированномъ этюдѣ о Чернышевскомъ указалъ, что какъ разъ въ той же «Борьбѣ партій» находится любопытное (пройденное г, Плехановымъ) мѣсто, гдѣ констатируется, какъ сами же «либералы» противодѣйствуютъ и полной «свободѣ печатнаго слова», которая при нынѣшнемъ состояніи западно-европейскихъ обществъ» превращается въ «средство для демократической, страстной и радикальной пропаганды», и широкому парламентаризму, при которомъ раздадутся голоса «представителей націи въ обширномъ смыслѣ слова», а не только «тѣхъ классовъ народа», которымъ теперь «довольно хорошо, или даже очень хорошо, жить» *). Ясное дѣло, что Чернышевскій понималъ, какъ соціалистамъ можно пользоваться политическими средствами для достиженія своихъ цѣлей. А статья эта принадлежитъ къ довольно раннимъ произведеніямъ автора.

Разъ рѣчь зашла объ «утопическомъ соціализмѣ» Чернышевскаго, то не мѣшаетъ указать на одинъ вопросъ тогдашней дѣйствительности, отношеніе къ которому со стороны Николая Гавриловича показываетъ, что въ данномъ случаѣ онъ оказался меньшимъ утопистомъ, чѣмъ... самъ г. Плехановъ полвѣка спустя. Этотъ вопросъ—общинное владѣніе. Передъ Чернышевскимъ, который былъ не только соціалистомъ, но и живымъ человѣкомъ, отзывавшимся на великія историческія злобы дня, вставала чрезвычайно серьезная задача: такъ какъ крѣпостное право подлежало уничтоженію, то какъ должно было отнестись къ оставшейся въ Россіи общинѣ? Пустить-ли ее такъ же, какъ и крѣпостное право, на сломъ, или сохранить ее и попытаться сдѣлать изъ нея орудіе общественнаго прогресса въ желательномъ для соціалиста направленіи? Мы знаемъ, какъ отвѣтилъ на эту проблему Чернышевскій, мало того, какъ онъ дѣйствовалъ. Онъ съ необыкновеннымъ умомъ, талантомъ и энергіей защищалъ русскую общину противъ нападеній безчисленныхъ и сильныхъ враговъ. Онъ оставилъ по себѣ такую аргументацію въ пользу общинной собственности, какую до сихъ поръ приходится развивать лишь въ самыхъ второстепенныхъ деталяхъ. Но что гораздо больше: онъ былъ однимъ изъ тѣхъ могущественныхъ реформаторовъ, которымъ удалось отстоять общину отъ уничтоженія, по крайней мѣрѣ, на десятки лѣтъ,—дальнѣйшей судьбы ея мы вѣдь еще не знаемъ. Это мы можемъ сказать еще и теперь.

Всѣмъ извѣстно, какіе эксперименты продѣлывались надъ нею

*) *Полн. собр. соч.*, т. IV, стр. 157 («Современникъ», 1858, № 8). Ср. *Соціалисты Запада и Россіи*, стр. 305—306, гдѣ это разсужденіе Чернышевскаго приведено мною полностью и отсюда дѣлается выводъ, что «исходъ изъ совершеннаго положенія дѣлъ Чернышевскій видѣлъ все-таки въ возможномъ пріобщеніи массъ къ политическимъ правамъ, и въ борьбѣ за ихъ расширеніе» (ibid., стр. 307).

въ теченіе пяти десятковъ лѣтъ власть имущими: какъ она была искалѣчена при самой реформѣ, отнявшей у нея значительную и лучшую часть земли; какъ она была превращена въ орудіе фиска; сведена на роль рычага при податномъ насосѣ, выкачивающемъ изъ мужика историческую «послѣднюю копѣйку»; раздавлена административной и помѣстной опекой; раздергана въ разныя стороны противорѣчивыми постановленіями. И что же? Разрушаясь въ однихъ мѣстахъ подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій, сохраняясь и прогрессируя въ другихъ, гдѣ то позволяли обстоятельства, русская община, худо ли, хорошо ли, но все-таки на громадномъ пространствѣ выжила до послѣднихъ лѣтъ. И надо было возникнуть «конституціонному» буржуазно-помѣстному режиму, чтобы продолжавшая смущать сонъ крупныхъ владѣльцевъ русская община подверглась жесточайшей, какую только знала исторія, насильственной ломкѣ, въ данный моментъ выдерживая на себѣ всю тяжесть законодательныхъ и административныхъ мѣръ, насаждающихъ при помощи угрозъ, розогъ, арестовъ, высылокъ, короче, всевозможныхъ преслѣдованій мужиковъ-общинниковъ частную собственность. Такъ «естественно» разлагается русская община, которую г. Плехановъ, увлеченный страстью къ своей формулѣ, хоронилъ еще четверть вѣка тому назадъ.

Эта же идейная непріязнь къ неудобному явленію заставила г. Плеханова создать заднимъ числомъ свою утопію. Она подсказала ему попытку конструировать фантастическаго, никогда не существовавшаго въ дѣйствительности Чернышевскаго, который будто бы чуть не при самомъ началѣ спора объ общинѣ уже умывалъ руки относительно ея судьбы. Основываясь на желчной и горькой тирадѣ Чернышевскаго въ началѣ «Критики философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія» («Современникъ», 1858, № 12) насчетъ того, что нечего въ сущности защищать общину, когда ея членамъ, освобождающимся отъ крѣпостного ига, придется вносить выкупъ, и тяжелый выкупъ, за свою же кровную землю (таковъ смыслъ этой тирады), г. Плехановъ считаетъ возможнымъ утверждать, будто Чернышевскій уже въ концѣ 1858 г. убѣдился, что отъ общины ждать путнаго нечего. Или, какъ очень странно формулируетъ г. Плехановъ, «увидѣлъ», что не было «на лицо въ тогдашней Россіи конкретныхъ условій, необходимыхъ для того, чтобы поземельная община могла сразу (сразу! вотъ даже какъ! Н. Р). перейти въ соціалистическую форму производства» (стр. 314). Затѣмъ, приписавъ Чернышевскому эту поистинѣ удивительную постановку вопроса и найдя для нея отвѣтъ въ упомянутой тирадѣ, г. Плехановъ рѣшилъ, что Чернышевскій собственно никогда народникомъ не былъ, а потому отъ «временныхъ иллюзій» насчетъ общины скоро избавился...

Конечно, такъ поступалъ фантастическій Чернышевскій, построенный г. Плехановымъ на основаніи формулы. А настоящій,

а дѣйствительный Чернышевскій, хотя и не былъ народникомъ на манеръ Герцена, не переставалъ еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ горячо защищать общинное владѣніе въ литературѣ, горячо отстаивать его въ жизни, пропагандировать общину безъ выкупа въ инспирируемой имъ подпольной печати, пока злобная помѣстно-бюрократическая реакція не сломала перо и не замкнула устъ этому величайшему изъ русскихъ соціалистовъ. Когда послѣ 19-го февраля 1861 г. Чернышевскій рѣшительно становится на путь революціонной политической дѣятельности, онъ поступаетъ именно не какъ утопистъ, а какъ самый настоящій политикъ. Онъ разсчитываетъ, конечно, не на пролетаріатъ, который въ то время еще не игралъ роли, а на существовавшіе въ то время реальные элементы: на организацію революціонной интеллигенціи, на общее недовольство страны, на движеніе крестьянства и, прежде всего, типичнаго мужика-общинника. «Но онъ ошибался—и потому былъ утопистомъ». Ахъ, не будемъ доставлять черезчуръ легкихъ побѣдъ своей проницательности заднимъ числомъ! Мало ли еще какихъ сюрпризовъ готовитъ, можетъ быть, исторія намъ, пятьдесятъ лѣтъ послѣ Чернышевскаго переживающимъ новую и сильнѣйшую реакцію! *).

Но не слѣдуетъ оставлять читателя подъ впечатлѣніемъ этого слабѣйшаго мѣста въ книгѣ г. Плеханова, которая, несмотря на рѣзкое и безпрестанное подчеркиваніе марксистской точки зрѣнія, должна быть по обилію и талантливой обработкѣ матеріала, живому и остроумному изложенію, отнесена къ выдающимся произведеніямъ

*) Позволю себѣ привести слѣдующую цитату, не пропущенную цензоромъ, изъ «Очерковъ»,—она кстати, любопытна тѣмъ, что въ ней Чернышевскій косвенно указываетъ на свое положительное отношеніе къ фабричному законодательству, распространяться вплотную о которомъ онъ, вѣроятно, не считалъ нужнымъ въ виду малаго значенія пролетаріата въ тогдашней русской жизни: «Много статей написано нами въ защиту общиннаго землевладѣнія и нѣтъ намъ надобности перечислять здѣсь его преимущества. Мы хотимъ только сказать, что если это учрежденіе и на самомъ дѣлѣ полезно, то для его сохраненія нужна правительственная забота, потому что безъ законодательнаго охраненія оно не можетъ удержаться противъ частныхъ интересовъ. Этотъ случай подходитъ подъ принципъ, выставляемый Миллемъ по поводу законодательнаго опредѣленія рабочихъ часовъ на фабрикахъ. Просимъ читателя внимательнѣе пересмотрѣть доводы, которыми тутъ Милль доказываетъ, что есть общеполезныя учрежденія и обычаи, не могущіе сохраниться безъ прямого законодательнаго огражденія. Совершенно въ томъ же духѣ, въ какомъ разсуждаетъ онъ о часахъ работы, мы скажемъ про общинное землевладѣніе: для цѣлаго общества оно полезно; но каждому изъ членовъ общества можетъ представляться временная выгода отъ превращенія своего пользованія частью общественной земли въ полную собственность надъ этою частью ея. Эта мимолетная выгода, несомнѣнно, приведетъ въ худшее положеніе почти каждаго изъ людей, которые соблазнились бы ею; но она можетъ имѣть столько соблазнительности, что приведетъ къ разрушенію выгоднѣйшаго для всѣхъ порядка, если достаточенъ будетъ минутный интересъ отдѣльнаго члена общины, чтобы участокъ, находящійся въ его пользованіи, былъ выдѣленъ ему въ полную собственность» (*Полн. собр. соч.*, т. X., часть 2, стр 16 «Приложенія»).

въ научно-литературной области. Минуя послѣдній, уже раньше вышедшій за-границей на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ отдѣлъ работы г. Плеханова о «политико-экономическихъ взглядахъ Н. Г. Чернышевскаго», отдѣлъ, грѣшащій, можетъ быть, излишней детальностью и однообразіемъ изложенія (Марксъ смотрѣлъ на этотъ предметъ такъ-то, Чернышевскій такъ-то Чернышевскій былъ неправъ *), мы упомянемъ объ отдѣлѣ III первой части, посвященномъ «литературнымъ взглядамъ» Н. Г. Чернышевскаго. Не будь здѣсь непріятной по тону полемики (преимущественно съ г. Скабичевскимъ), этотъ отдѣлъ могъ бы только заинтересовать искреннихъ почитателей Чернышевскаго, который, какъ то документально доказываетъ г. Плехановъ, умѣлъ цѣнить Пушкина, Гоголя, Островскаго, Льва Толстого (только что дебютировавшаго тогда), не какъ вульгарный тенденціозный критикъ, а какъ человѣкъ, умѣвшій вскрывать смыслъ и прелесть художественнаго произведенія. Подъ положительною стороною этихъ страницъ можетъ подписаться всякій изъ насъ, кому дорога память Чернышевскаго, и кто знаетъ, какую легенду о литературномъ безвкусіи Николая Гавриловича приверженцы никогда не существовавшаго въ дѣйствительности искусства для искусства пытались создать съ самыхъ 60-хъ годовъ...

Да, приходится въ заключеніе сказать, что книга г. Плеханова принесла бы гораздо большую пользу, если бы авторъ замѣнилъ полемическую манеру изложенія болѣе спокойной и объективной. Но ни вещи, ни люди не могутъ быть иными, чѣмъ они есть,— гласитъ уже довольно старый меланхолическій афоризмъ. И я спрашиваю: можно ли представить себѣ г. Плеханова иначе, чѣмъ ревностно служащимъ тому началу войны, тому Полемосу, который, по мнѣнію высоко цѣнимаго марксистами философа древности, былъ «отцомъ всего»?

III.

Насъ уже давно ждетъ книга г. Стеклова. Но о ней мы можемъ говорить короче. Разбирая книгу г. Плеханова, мы порою должны были параллельно и довольно подробно развивать наши собственные взгляды. Теперь же, переходя къ работѣ, написанной другимъ авторомъ, но изъ того же марксистскаго лагеря, мы можемъ преимущественно говорить о самой книгѣ. Г. Стекловъ прошелъ приблизительно ту же школу, что и г. Плехановъ, но прошелъ, имѣя уже своимъ предшественникомъ г. Плеханова, а потому по необходимости, положительно или отрицательно, считаясь и со взглядами г. Плеханова. Я долженъ прибавить, что книга г. Стек-

*) Надо было бы здѣсь не столько «критиковать», сколько перенестись въ эпоху и посмотрѣть, какимъ откровеніемъ для мыслящей Россіи была хотя бы формула трехчленнаго распредѣленія продукта въ «Очеркахъ».

лова вышла ранѣе послѣдней книги г. Плеханова, и что поэтому на г. Стеклова могли оказывать непосредственное воздѣйствіе лишь тѣ мысли г. Плеханова, которыя были высказаны имъ въ прежнихъ работахъ о Чернышевскомъ. Какъ бы то ни было, но совпаденія неизбѣжно должны встрѣчаться, и порою г. Стекловъ, работая въ той же идейной плоскости, что и г. Плехановъ, отличается отъ предшественника лишь тѣмъ, что ставитъ + тамъ гдѣ г. Плехановъ ставилъ — или наоборотъ.

Можно, во всякомъ случаѣ, съ сочувствіемъ отнестись къ г. Стеклову за его видимо искреннія старанія переоцѣнить цѣнности г. Плеханова и продумать самостоятельно тѣ или другія положенія предшественника. Общее впечатлѣніе отъ книги г. Стеклова получается, между прочимъ, такое, что онъ менѣе г. Плеханова питаетъ вражду къ людямъ лишь за идейное несогласіе съ ними въ области чистой теоріи и рѣзче относится къ тѣмъ, кто, по его мнѣнію, наноситъ непосредственный практическій вредъ дѣлу соціализма. Но свойственные марксистамъ выпады, если и рѣже встрѣчаются у г. Стеклова, за то дѣлаются менѣе ловко и грубѣе. Посмотрите, напр., стр. 60—62 съ примѣчаніями, гдѣ г. Стекловъ полемизируетъ противъ г. Ив. Иванова, противъ г. Иванова-Разумника и т. п. «партизановъ постепенства». «Рекламная кампанія», «имѣетъ смѣлость притязать на идейное родство съ Чернышевскимъ», «жалкій пискъ пигмеевъ», «морочите вы своихъ читателей» да еще позаимствованный у г. Плеханова «мѣщанинъ нашего времени» такъ и мелькаютъ въ глазахъ читателей. Но оставимъ форму и перейдемъ къ сути...

Г. Стекловъ, очевидно, чувствовалъ слабую сторону писаннаго еще раньше г. Плехановымъ о Чернышевскомъ, къ которому въ этихъ работахъ все время прилагался масштабъ сравненія съ Марксомъ. Но найти настоящій исходъ изъ такого положенія, сказать, что Чернышевскій есть прежде всего Чернышевскій, а не марксистъ и не не-марксистъ, ему не удалось, и онъ только просто перегнулъ масштабъ г. Плеханова въ другую сторону. У г. Плеханова Чернышевскій былъ великъ, *хотя* въ общемъ *почти не былъ* историческимъ матеріалистомъ. У г. Стеклова Чернышевскій оказался великъ, *потому что* онъ *былъ почти* историческимъ матеріалистомъ. Такъ можно охарактеризовать основную разницу двухъ книгъ. Г. Стекловъ вообще относится къ Чернышевскому съ такой идейной любовью, которая подкупаетъ невольно даже читателей, не раздѣляющихъ міровоззрѣнія г. Стеклова. Если г. Плехановъ считаетъ возможнымъ сказать, что «по своимъ умственнымъ силамъ Чернышевскій нимало не уступалъ Лассалю» (стр. 304), то г. Стекловъ даетъ еще болѣе лестную въ устахъ марксиста оцѣнку: «по силѣ своего ума и по разносторонности знаній «великій русскій ученый и критикъ», какъ назвалъ его Марксъ, врядъ ли уступалъ основателю научнаго со-

ціализма» (стр. 11). Сравнивая соотвѣтствующія работы по исторіи Франціи первой половины XIX вѣка, принадлежащія перу Маркса и перу Чернышевскаго, г. Стекловъ говоритъ, что данное нашимъ знаменитымъ мыслителемъ въ этой области «производитъ во всякомъ случаѣ не меньшее, а въ иныхъ отношеніяхъ, пожалуй, даже болѣе сильное впечатлѣніе» (стр. 163).

Десять главъ, на которыя распадается трудъ г. Стеклова, посвящены: молодости Чернышевскаго, включая его женитьбу; общему очерку его литературной дѣятельности; затѣмъ, послѣдовательно, философскимъ, эстетико-критическимъ, философско-историческимъ, политическимъ, политико-экономическимъ и соціалистическимъ взглядамъ; общественно-политической дѣятельности Чернышевскаго въ Россіи 60-хъ годовъ (глава, носящая заглавіе «Чернышевскій и русское общество того времени»); наконецъ, процессу и ссылкѣ Чернышевскаго, сибирскому періоду и жизни въ Россіи по возвращеніи до самой смерти. Тщательно и добросовѣстно (поскольку это возможно при рѣзко предвзятой точкѣ зрѣнія) составленную работу г. Стеклова портитъ нѣсколько недостатокъ общей архитектуры: авторъ сначала занимается біографіей молодого Чернышевскаго; потомъ переходитъ къ подробному изложенію и критическому освѣщенію міросозерцанія Чернышевскаго съ разныхъ сторонъ; затѣмъ снова возвращается къ біографіи уже сложившагося Чернышевскаго и его послѣдующей судьбѣ. Книга вышла бы стройнѣе и ярче, если бы г. Стекловъ сгруппировалъ собственно біографическій матеріалъ особо, а оцѣнку взглядовъ Чернышевскаго далъ тоже особо.

«Изъ всѣхъ предшественниковъ Маркса... онъ ближе всѣхъ подошелъ къ научному соціализму» (стр. 337). Этотъ взглядъ на Чернышевскаго проходитъ лейтъ-мотивомъ черезъ всю книгу. Допуская, что у Чернышевскаго были извѣстныя недомолвки, частныя противорѣчія, г. Стекловъ все время рисуетъ Николая Гавриловича какъ бы марксистомъ до Маркса, рисуетъ если и «раціоналистомъ», то не «утопистомъ», а «реалистомъ»,—словомъ, человѣкомъ, почти стоявшимъ на почвѣ «современнаго матеріалистическаго пониманія исторіи» (стр. 132). Онъ подчеркиваетъ, что придаетъ такому взгляду на Чернышевскаго большое значеніе. Онъ полагаетъ, что этой точкой зрѣнія онъ отличается, какъ отъ «народничества», «родоначальникомъ» котораго онъ признаетъ Чернышевскаго, такъ и отъ своего собственнаго лагеря. «Народнически настроенная часть нашей публики меньше всего интересовалась анализомъ воззрѣній Чернышевскаго съ точки зрѣнія его близости къ научному соціализму; и очень возможно, что установленіе такой близости она сочтетъ оскорбленіемъ памяти великаго мыслителя. Среди большинства марксистовъ, напротивъ, господствуетъ взглядъ на Чернышевскаго, какъ на писателя, очень сим-

патичнаго, въ свое время полезнаго, но весьма далекаго отъ современнаго матеріалистическаго міровоззрѣнія» (стр. 174).

А между тѣмъ Чернышевскій на самомъ-то дѣлѣ, по мнѣнію г. Стеклова, былъ совсѣмъ не тѣмъ: въ человѣческой исторіи онъ «видѣлъ... діалектическій процессъ развитія путемъ противорѣчій, путемъ скачковъ, которые сами являются результатомъ постепенныхъ количественныхъ измѣненій... Дѣйствующими лицами въ исторіи являются общественные классы, борьба которыхъ обусловливается экономическими причинами. Въ основѣ историческаго процесса лежитъ экономическій факторъ, опредѣляющій политическія и юридическія отношенія, а также идеологію общества» (стр. 175).

Сформулировавъ такъ историческіе взгляды Чернышевскаго, г. Стекловъ спрашиваетъ: «можно ли отрицать, что эта точка зрѣнія близка къ историческому матеріализму Маркса и Энгельса?» На это приходится отвѣтить категорически: нѣтъ, нельзя, но только эта «точка зрѣнія» есть точка зрѣнія—самого г. Стеклова, а не Чернышевскаго! Въ своемъ искреннемъ и горячемъ желаніи представить Чернышевскаго въ видѣ «историческаго матеріалиста», г. Стекловъ придаетъ такой заостренный и при томъ специфически марксистскій характеръ своей формулировкѣ, какого міровоззрѣніе самого Чернышевскаго не носило. Конечно, г. Стекловъ собралъ очень много цитатъ, въ которыхъ то съ той, то съ другой стороны мысли знаменитаго русскаго соціалиста отчасти, а то и совсѣмъ напоминаютъ воззрѣнія Маркса. И я рекомендую читателямъ главы V и VI (стр. 124—218) труда г. Стеклова, посвященныя «Философіи исторіи Чернышевскаго» и «Политикѣ, борьбѣ партій и вопросамъ политической тактики», какъ центръ тяжести книги, гдѣ съ заслуживающею всякихъ похвалъ добросовѣстностью собраны почти всѣ тѣ мѣста изъ сочиненій Чернышевскаго, которыя можно истолковать въ духѣ «историческаго матеріализма». Въ особенности приближаются къ этому направленію цитаты изъ статей Николая Гавриловича, трактующихъ историческіе вопросы борьбы партій на Западѣ. Но характерны также въ этомъ отношеніи нѣкоторыя страницы изъ «Капитала и труда», представляющаго собою, кстати сказать, едва ли не самый замѣчательный этюдъ Чернышевскаго въ соціально-политической области. И что же? Несмотря на обиліе подобраннаго г. Стекловымъ для своей задачи матеріала, несмотря на дѣйствительное сходство нѣкоторыхъ разсужденій Чернышевскаго съ идеями историческаго матеріализма, вы не можете отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что, какъ г. Плехановъ сгущаетъ тоны на идеализмѣ Чернышевскаго, такъ г. Стекловъ сгущаетъ тоны на матеріализмѣ русскаго мыслителя.

Васъ въ особенности смущаетъ та формулировка взглядовъ Чернышевскаго, которая дѣлается г. Стекловымъ послѣ той или

другой выписки и которая играетъ роль субъективнаго заключенія комментатора изъ предшествовавшихъ фактическихъ посылокъ-цитатъ. У г. Стеклова, увлеченнаго своей точкой зрѣнія на Чернышевскаго, эти выводы сплошь и рядомъ содержатъ болѣе того, чѣмъ находится въ посылкахъ, а порою основаны на положительномъ недоразумѣніи. Приведу только одинъ примѣръ, но очень характерный для г. Стеклова. У Чернышевскаго есть небольшое «Современное обозрѣніе» («Современникъ», 1857, № 10), въ концѣ котораго мы встрѣчаемся со слѣдующею мыслью: «Будемъ оптимистами. Это тѣмъ легче, что въ наше время главная движущая сила жизни, промышленное направленіе, все-таки гораздо разумнѣе, нежели тенденціи многихъ прошлыхъ эпохъ... Начать хоть съ того, что это стремленіе дѣльное, а не праздное... Побѣды Наполеона въ Испаніи и Германіи принесли нѣкоторую пользу этимъ странамъ, какъ же не принесутъ нѣкоторую пользу побѣды фабрикантовъ и инженеровъ, купцовъ и технологовъ? Когда развивается промышленность, прогрессъ обезпеченъ. Съ этой точки мы преимущественно и радуемся усиленію промышленнаго движенія у насъ» *). Приведя эту цитату, г. Стекловъ продолжаетъ: «дальше Чернышевскій съ восторгомъ отмѣчаетъ нѣсколько новыхъ фактовъ изъ области промышленнаго развитія: основаніе новаго пароходнаго общества по Волгѣ и ея притокамъ, сельско-хозяйственную выставку въ Кіевѣ и т. п.» (стр. 146). И вдругъ непосредственно за этимъ глаза читателя падаютъ на слѣдующія заключительныя строки г. Стеклова: «Итакъ, въ основѣ исторіи лежатъ экономическіе факторы. Они опредѣляютъ національный характеръ, создаютъ опредѣленныя политическія учрежденія и пролагаютъ своему вліянію дорогу туда, гдѣ ему, казалось бы, меньше всего должно быть мѣста. Человѣческая идеологія также оказывается, по словамъ Чернышевскаго, простой надстройкой надъ экономическимъ и соціальнымъ бытіемъ человѣчества; даже отвлеченныя философскія системы являются дѣтищами своей эпохи, продуктомъ опредѣленныхъ общественныхъ отношеній» (ibid.).

«Итакъ»!.. «По словамъ Чернышевскаго»!.. Такія сравнительно небольшія, если хотите, банальныя посылки, какъ разсужденія Чернышевскаго о томъ, что промышленность вещь очень полезная, что у насъ, слава Богу, основываются пароходныя общества по Волгѣ, устраиваются сельскія выставки въ Кіевѣ—и вдругъ такое грандіозное заключеніе, какъ теорія историческаго матеріализма

*) *Полн. собр. соч.* т. III, стр. 561—562. Въ пропущенной нами для краткости, но сохраненной г. Стекловымъ срединѣ цитаты говорится о томъ, что изъ «промышленнаго направленія» извлекаютъ нѣкоторую выгоду и просвѣщеніе, и законность, и личность, и т. п. Словомъ, «изъ того, что есть, болѣе всего добра приноситъ промышленное направленіе».

да еще облеченная въ специфическую марксистскую терминологію! Вотъ эти-то заключенія, говорящія очень часто неизмѣримо больше, чѣмъ цитаты, откуда они сдѣланы, и заставляютъ читателя поневолѣ держаться на сторожѣ, когда г. Стекловъ превращаетъ Чернышевскаго «почти» въ приверженца марксизма.

Г. Стекловъ желалъ бы вырвать Чернышевскаго изъ рядовъ «народниковъ, усвоившихъ букву, но не духъ великаго учителя» (стр. 370), и перевести его хотя бы заднимъ числомъ въ ряды марксистовъ, по крайней мѣрѣ, такихъ марксистовъ, которые подобно самому г. Стеклову, считаютъ Чернышевскаго цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для лагеря своихъ единомышленниковъ. Любопытно поэтому остановиться нѣсколько уже на затронутомъ нами раньше вопросѣ объ общинѣ. Посмотримъ, какъ г. Стекловъ будетъ характеризовать теоретическое и практическое отношеніе Чернышевскаго къ русской общинѣ въ моментъ, когда вопросъ о выборѣ между общиннымъ и частнымъ владѣніемъ принялъ въ Россіи форму великаго историческаго вопроса.

Г. Стекловъ въ этой области старается ближе г. Плеханова держаться почвы фактовъ. Но, страдая обычнымъ недугомъ русскихъ марксистовъ, общиннофобіей, онъ все время принужденъ заниматься, если можно такъ выразиться, двойной бухгалтеріей: уступкой дѣйствительности и стремленіемъ затушевать голосъ фактовъ гипотезами, пріятными формулѣ. Такъ, онъ согласенъ допустить, что Чернышевскій «энергично защищалъ общину, какъ институтъ, способный при извѣстныхъ комбинаціяхъ облегчить переходъ къ соціализму» (стр. 315). Но дѣлаетъ оговорку: «это не мѣшало ему смотрѣть на дѣйствительность объективнымъ взглядомъ», подсказывавшимъ ему, видите ли, что «институтъ общиннаго землевладѣнія не вѣченъ», «не устоитъ передъ законами капиталистическаго развитія» (стр. 315—316), — какъ вольно переводитъ г. Стекловъ на марксистскій языкъ мысль Чернышевскаго объ «измѣненіи экономическаго быта». Затѣмъ снова слѣдуетъ признаніе, что «Чернышевскій въ то время (1857 году) еще надѣялся, что съ развитіемъ въ Россіи машинизма община можетъ послужить базисомъ для организаціи коллективнаго земледѣлія на научныхъ началахъ». Но г. Стеклову оказалось «трудно судить, сохранилъ ли онъ эту вѣру до конца». «По крайней мѣрѣ»... дальше г. Стекловъ подчинился обычной въ этомъ вопросѣ для марксистовъ склонности къ безсознательному миѳотворчеству и ссылается на упомянутую нами выше желчную тираду въ началѣ «Критики философскихъ предубѣжденій» для доказательства того, что въ 1858 г. Чернышевскій уже самъ сталъ «насмѣхаться» надъ прежними «надеждами» (стр. 317). Что не помѣшало ему, замѣтимъ мы отъ себя, послѣ этой тирады не только перейти какъ разъ въ той же самой статьѣ къ одному изъ самыхъ блестящихъ пріемовъ защиты общиннаго владѣнія противъ правовѣрныхъ гегельянцевъ ихъ же оружіемъ («мы

не послѣдователи Гегеля» и т. д.—говоритъ Чернышевскій), а и до самой своей политической смерти отстаивать грудью общину да такъ съ этимъ лозунгомъ и уйти въ далекую Сибирь. «Во всякомъ случаѣ», — продолжаетъ г. Стекловъ, желающій сохранить Чернышевскаго въ лагерѣ объективистовъ-марксистовъ, а не наивныхъ утопистовъ-народниковъ, — «во всякомъ случаѣ, увлекаясь формой и связывая съ нею преувеличенныя надежды, Чернышевскій меньше всего обманывался ея содержаніемъ. Онъ прекрасно видѣлъ все варварство и всю отсталость, лежавшія въ основѣ этой общины» (стр. 317). Но въ доказательство г. Стекловъ ссылается на статью Чернышевскаго о «Причинахъ паденія Рима», изъ которой опять таки слѣдуетъ,—замѣтимъ мы отъ себя,—только то, что Чернышевскій отнюдь не видѣлъ въ нашей общинѣ панацею отъ всякихъ бѣдствій, призванную будто бы даже обновить живущій при другихъ условіяхъ Западъ, а учрежденіе, на которое можно опереться въ Россіи людямъ, желающимъ работать надъ приближеніемъ своей родины къ соціалистическому строю. Ибо никакими комментаріями нельзя вывернуть на изнанку слѣдующаго текста: «Европѣ тутъ позаимствоваться не чѣмъ и не для чего... и учиться ей у насъ нечему, и помощи нашей не нужно ей, а для насъ самихъ этотъ обычай пока еще очень хорошъ, а когда понадобится намъ лучшее устройство, его введеніе будетъ значительно облегчено существованіемъ прежняго обычая, представляющагося сходнымъ по принципу съ порядкомъ, какой тогда понадобится для насъ, и дающимъ удобное, просторное основаніе для этого новаго порядка» *). Писано въ маѣ 1861 г., т. е. всего за годъ до ареста Чернышевскаго и три года спустя послѣ того момента, когда Николай Гавриловичъ сталъ иронизировать, по мнѣнію г. Стеклова, надъ своими надеждами на общину, или, выражаясь точнѣе, словами же самаго комментатора, надъ «возможностью безболѣзненнаго и прогрессивнаго развитія русской общины».

Замѣтимъ кстати, что эту фразу г. Стеклова, не будь она вкраплена въ обычный кругъ марксистскихъ представленій объ общинѣ, можно было бы, пожалуй, истолковать и въ такомъ смыслѣ, на почвѣ котораго могло бы состояться согласіе между «утопистами-народниками» и тѣми марксистами, которые начинаютъ считать Чернышевскаго своимъ.

Да, Чернышевскій могъ разочароваться надъ возможностью безболѣзненнаго прогресса общиннаго владѣнія, прогресса, которой встрѣчалъ врага въ эгоистическихъ вожделѣніяхъ помѣстнаго сословія и въ поддерживавшемъ эти вожделѣнія бюрократическомъ правительствѣ. Но отсюда оставался для людей умственнаго и нравственнаго калибра Чернышевскаго не только выходъ въ плоскость пессимистическаго индифферентизма, смотрящаго со стороны на крушеніе вели-

*) *Полное собр. соч.*, VIII стр. 173.

каго народнаго учрежденія, но и выходъ на арену активной борьбы. Я долженъ по этому поводу прибавить, что г. Стекловъ съ достаточной убѣдительностью показалъ въ главѣ о «Политикѣ», что Чернышевскій былъ человѣкомъ, пропагандировавшимъ для всякаго искренняго демократа необходимость идти до конца, не смущаясь неизбѣжными столкновеніями съ врагами. «Кто не хочетъ волновать народъ, кому отвратительны сцены, неразрывно связанныя съ возбужденіемъ народныхъ страстей, тотъ не долженъ и брать на себя веденіе дѣла, поддержкою котораго можетъ служить только одушевленіе массы»,—съ сочувствіемъ цитируетъ г. Стекловъ эту и другія подобныя же мысли Чернышевскаго (см. въ особенности стр. 185 и далѣе, гдѣ, впрочемъ, по моему мнѣнію, преувеличенъ скептицизмъ Николая Гавриловича къ «тайнымъ обществамъ» и «военнымъ возстаніямъ»).

Кстати. Г. Стекловъ считаетъ (стр. 35) «удачнымъ» эпитетъ „Прометей русской революціи», которымъ я охарактеризовалъ въ своемъ этюдѣ о Чернышевскомъ его умственную и нравственную физіономію. Съ этимъ, по моему, не совсѣмъ вяжется мнѣніе г. Стеклова о «нерѣшительномъ и вяломъ складѣ характера» (стр. 391) Чернышевскаго. Вѣдь, если я употребилъ такое названіе, то потому, что видѣлъ,—и съ каждымъ новымъ біографическимъ фактомъ вижу все болѣе и болѣе,—въ Чернышевскомъ человѣка, обладавшаго не только необыкновеннымъ умомъ, но и исключительной твердостью характера. Пусть это не та энергія воли, которая поражаетъ насъ въ вожакахъ массъ или даже прирожденныхъ конспираторахъ: «непрактичность», «книжность» (да и это нуждается, какъ мнѣ кажется, въ оговоркахъ) не исключаютъ великой нравственной силы духа. Есть люди, у которыхъ волевые импульсы непосредственно реагируютъ на факты дѣйствительности: это по преимуществу практическіе политики. Но есть люди, которымъ реакцію на извѣстное внѣшнее явленіе нужно продержать въ холодильникѣ логическаго аппарата, чтобы она вышла оттуда въ видѣ непреклоннаго, обдуманнаго во всѣхъ деталяхъ рѣшенія. Такимъ былъ Чернышевскій.

Приходится кончать, хотя не мало можно было еще сказать о книгѣ г. Стеклова, которой, несмотря на ея тенденціозность, я желаю искренно успѣха за любовь автора къ Чернышевскому, за тщательность, съ какой—конечно, съ своей точки зрѣнія,—онъ собралъ и переработалъ матеріалъ, заключающійся до сихъ поръ главнымъ образомъ въ сочиненіяхъ великаго русскаго соціалиста.

Остается только пожелать, чтобы за трудами гг. Стеклова и Плеханова послѣдовали труды писателей того направленія, духовнымъ отцомъ которыхъ былъ Чернышевскій. Отрадно сознавать, что, по крайней мѣрѣ, къ дѣятелямъ, давно сошедшимъ со сцены, борющіяся фракціи соціалистическаго лагеря начинаютъ относится съ глубокимъ почтеніемъ и идейной любовью.

Великолѣпная могила:
Надъ урной, гдѣ твой прахъ сокрытъ,
Народовъ ненависть почила,
И лучъ безсмертія горитъ!..

Н. С. Русановъ.

На очередныя темы.

Соціальныя послѣдствія „землеустройства".

(*Окончаніе*).

VIII.

Постараемся прежде всего уяснить себѣ, какими послѣдствіями скажется «землеустройство» для той части крестьянскаго населенія, которая будетъ, какъ я выразился, «отодрана отъ земли»...

Безземельные крестьяне—отнюдь не новое явленіе въ русской жизни. Не мало ихъ было и раньше... Измѣнится ли теперь ихъ численность? и измѣнится ли ихъ соціальное положеніе? Или все останется по прежнему? Прежде, чѣмъ отвѣтить на эти вопросы не лишнее будетъ вкратцѣ напомнить, откуда взялись имѣвшіеся до сихъ поръ безземельные крестьяне и какое положеніе они занимали въ нашей соціальной структурѣ.

Съ этой точки зрѣнія среди нихъ приходилось различать нѣсколько категорій.

Одна это—безземельные по закону или «безземельные юридически», каковой терминъ былъ принятъ для нихъ въ нѣкоторыхъ земско-статистическихъ работахъ. Почти всѣ они были насильно оторваны отъ земли еще во времена крѣпостного права и затѣмъ при выходѣ на волю не получили надѣловъ. Первое по численности мѣсто среди нихъ принадлежало бывшимъ дворовымъ съ ихъ потомствомъ. По мѣстнымъ положеніямъ 1861 года право на земельный надѣлъ получили лишь тѣ дворовые люди, которые пользовались имъ и раньше, т. е. которые службу въ дворнѣ совмѣщали съ веденіемъ собственнаго земледѣльческаго хозяйства. Но такихъ было не много. Въ громадной же своей части бывшіе дворовые получили волю безъ земли. Къ той-же категоріи слѣдуетъ отнести потомковъ такъ называемыхъ «николаевскихъ солдатъ» (сданныхъ въ военную службу до X ревизіи), которые раньше составляли какъ бы особое сословіе, а въ пореформенное время обязаны были припискою къ обществамъ безъ права полученія отъ